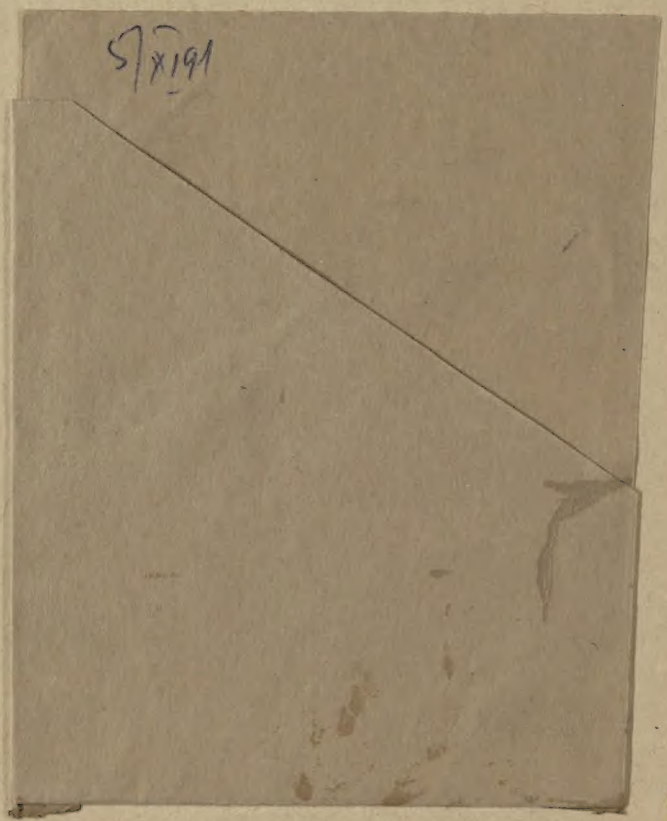
Т3(2)-6Бу
Г51
1000580

В. ГИРЧЕНКО

РУССКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ XVII, XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКОВ О БУРЯТ-МОНГОЛАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЛАН—1939—



a.

5/XI 91

14

14

Т3(2
Г51

ГОСУДАРС

Р

XVII,
XIX

08

Т3(2Р=6Бу)
359520
Г51

БУРЯТ-МОНГОЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

В. ГИРЧЕНКО

РУССКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ XVII, XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКОВ О БУРЯТ-МОНГОЛАХ

Республиканская научная
библиотека им. М. Горького
Бур. АССР г. Улан-Удэ
1000580 РК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЛАН—1939—УДЭ

08

9(57.3)
Г-51

270250

Иркутская обл. ун-я
БИБЛИОТЕКА
Единый каталог

270250

Постановления
1934 г. о препода
26-го января 193
истории, а также
конспектах учебн
огромное значение
ской работы в обл
лого на конкретно
ных и критически
дой основой для п
в постановлениях

Для историо
тии и правительс
зяйственной, соци
Монголии встреч
выявленностью в
бурят-монгольско

Одной из акт
Монголии, являет
исторических ма
гольского народ
нашим молодым
фактическими да
ная литература с
дает нам сведен
литература дав
костью, и часто
Огромное больш
многочисленным
значительной и
этот весьма скуд
страненным для
бурят-монгольск
дует считать сох
по Бурят-Монго
Монголию прое

Предисловие

Постановления ЦК ВКП(б) и Правительства СССР от 16 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории в школах и от 26-го января 1936 г. о пересмотре и переделке учебников по истории, а также замечания тт. Сталина, Жданова и Кирова о конспектах учебников по истории СССР и новой истории имеют огромное значение для постановки всей научно-исследовательской работы в области истории. Необходимость изучения прошлого на конкретном историческом материале, на хорошо изученных и критически проверенных фактах, которые являются твердой основой для правильных обобщений и выводов—подчеркнута в постановлениях партии и правительства со всей четкостью.

Для историографии Бурят-Монголии данные указания партии и правительства крайне важны. Глубокое изучение хозяйственной, социально-политической и культурной жизни Бурят-Монголии встречает ряд трудностей в связи с недостаточной выявленностью всех видов источников по изучению истории бурят-монгольского народа.

Одной из актуальнейших задач, особенно историков Бурят-Монголии, является как можно большее публикование конкретно-исторических материалов, относящихся к истории бурят-монгольского народа, с тем, чтобы дать возможность, особенно нашим молодым научным кадрам, широко пользоваться всеми фактическими данными для научного исследования. Хотя печатная литература о Бурят-Монголии, относящаяся к XVII—XIX вв., дает нам сведения, значительные по своему объему, но эта литература давно уже стала большой библиографической редкостью, и часто они известны одним только библиографам. Огромное большинство исторических сведений, разбросанных по многочисленным книгам и журналам, сохранилось лишь в незначительной их части. Следовательно, наша задача—сделать этот весьма скудно сохранившийся материал известным и распространенным для тех, кто желает заняться изучением истории бурят-монгольского народа. Наиболее важными документами следует считать сохранившиеся описания путешествий XVII—XIX вв. по Бурят-Монголии. Так, например, в XVII в. через Бурят-Монголию проезжали Спафарий и Исбрант Идес, в XVIII в.—

Ланге, Гмелин, Паллас, Сиверс, Лаксман, в первой половине XIX в. Геденштаром, Миллер (директор Иркутской гимназии), Кохрен, Мартос, Эрман Паршин, Кастрен. Все они оставили описания своих путешествий, в которых много содержится различных сведений о бурят-монголах, об их хозяйстве, быте и религии. Эти сведения безусловно должны быть включены в „инвентарь" конкретно-исторических материалов о бурят-монголах, хотя их сведения требуют исключительно критического отношения к ним. Однако это не снижает ценности материалов для выяснения тех или иных вопросов из истории бурят-монголов.

Сообщения некоторых из перечисленных путешественников были использованы в историографии Бурятии, но далеко не полностью и—что главное—без критической их оценки, между тем это „старое наследство" в такой критической оценке очень и очень нуждается.

Прежде всего, необходимо отметить, что путешествия по Бурятии в XVIII веке совершались в период, предшествовавший первой буржуазной французской революции. Путешественники этого периода принадлежали к дворянским или буржуазным слоям эпохи разложения феодализма и развивавшегося капитализма; естественно, что наблюдения путешественников неизбежно преломлялись в призме их классовых воззрений и тех взглядов, которые господствовали в науке того времени. С другой стороны, следует иметь в виду отношения этих путешественников к царскому правительству. Это правительство очень нуждалось в получении возможно подробных и толковых сведений об общем положении своих колоний, в том числе и Сибири, и в особенности таких сведений, которые открывали бы возможность увеличения эксплоатации этих колоний. В XVII веке такого рода сообщения о Сибири правительство получало в процессе ее завоевания—в виде „отписок" и донесений воевод и других служилых людей, но сведения эти носили отрывочный характер и не могли дать цельной картины завоеванного края. В XVIII веке правительство стало применять более глубокие разведки посредством научных экспедиций, которые при наличии указанных целевых установок приобретали характер правительственных „инспекторских поездок" крупного масштаба, а сами путешественники являлись при этом не только юридически (по табели о рангах), но и фактически царскими чиновниками, получившими полномочия на „обозрение" царских колоний. При этом правительство было очень заинтересовано в том, чтобы его колонизаторская деятельность в Сибири была изображена для феодально-буржуазных кругов Западной Европы в возможно благоприятном свете. Все эти задачи или, точнее задания, ставившиеся правительством перед путешественниками, не могли не отразиться на характере сведений, сообщаемых путешественниками.

ГЛАВА I

Спафарий.—Избрант.—Ланге.—Гмелин.—Миллер

СПАФАРИЙ

Одно из наиболее ранних описаний территории, на которой жили буряты в период, непосредственно следовавший за русским завоеванием, дает путевой дневник Николая Спафария, отправленного в 1675 году Московским правительством в Китай в качестве посланника.

Спафарий был уроженцем Молдавии. Политическая ситуация, сложившаяся в этой стране неблагоприятно для Спафария, заставила его бежать из отечества. В 1672 г. он приехал в Москву и, как человек образованный по тому времени, знавший греческий и латинский языки, был принят на службу переводчиком в посольский приказ, в ведении которого находились иностранные дела.

Начавшийся в 30 годах XVII века захват военно-феодальным Московским государством Забайкалья и части долины реки Амура привел Московское правительство к столкновению с могущественной тогда Китайской империей и с Монголией. Твердо установленных границ между только что завоеванной русскими сибирской колонией и владениями Китая и Монголии тогда еще не существовало. Поэтому возникали частые конфликты между русской сибирской администрацией с одной стороны и китайскими властями на Амуре и монгольскими князьями—с другой, причем монгольские князья считали значительную часть „ясашных людей", живших на территории, завоеванной русскими,—своими данниками. Для урегулирования этих пограничных столкновений и было отправлено посольство Спафария. Но этим не ограничивались задачи посольства. Московское правительство, давно уже начавшее экспансию в Сибирь и на Дальний Восток (завоевание части долины реки Амура), не имело в своем распоряжении точных и определенных сведений о странах, граничивших с его новыми владениями в северо-восточной Азии. Поэтому посольству Спафария кроме дипломатических задач

были даны поручения разведочного характера—описание стран, граничащих с Сибирью и выяснение возможности торговых сношений с ними.

Для своего путешествия в Китай Спафарий избрал новый путь, открытый незадолго перед тем русскими купцами; этот путь шел через Восточную Сибирь, озеро Байкал и Забайкалье (Даурию), тогда как прежние посольства ездили в Китай преимущественно через Калмыцкие степи.

Описание путешествия Спафария, или точнее, путевой дневник, издано в 1882 году в „Записках русского географического общества по отделению этнографии", т. X, вып. I, под заглавием „Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году".

Путешествие Спафария составлено в духе старинных русских географических описаний; часто оно переходит в сухой перечень рек, горных хребтов, населенных пунктов, но местами даются и более подробные описания (напр., описание озера Байкал), данные о местах обитания различных туземных народов Сибири, в том числе бурят и эвенков, краткие сведения о хозяйстве этих народов.

Приложением к „Путешествию" Спафария являются напечатанные в той же книге „Отписки", которые Спафарий посылал царю во время путешествия, а также описание Селенгинского острога, сделанное за два года до путешествия Спафария—в 1673 году—сыном боярским Степаном Поляковым. Эти материалы также использованы в последующем изложении.

Первое упоминание о бурятах встречаем в сообщении Спафария о проезде его посольства через Братский острог. Под острогом „течет река Ока, пишет Спафарий, ...а по ней живут пашенные крестьяне и браты" (Путешествие, с. 108). Так называли бурят царские отряды завоевателей. В дальнейшем описании Спафарий отмечает в западной (добайкальской) части Бурятии места обитания бурят в следующих районах: по долине р. Ангары, вверх по течению от Братского острога и по притокам Ангары—рекам Уде, Унге, Белой, Китою, Куде и Иркуту, причем по Уде и Куде жилища бурят были расположены вперемежку с поселками русских колонистов—пашенных крестьян, а по рекам Белой и Иркуту по соседству с бурятами жили эвенки (сс. 111—115).

До завоевания царизмом много бурят жило на острове Ольхоне (на озере Байкал), но, по словам Спафария, „после того, как погромили их казаки, с того острова разбежались, и ныне пуст" (с. 119).

В Забайкалье Спафарий отмечает кочевья бурят в устьях р. Селенги и на Кударинской степи. Вверх по течению Селенги от места впадения в нее Уды, по степям и нагорьям, расположенным на левой стороне Селенги, шли жилища монголов—„юрты мунгальские“ (с. 126). Число монгольских юрт увеличивалось по мере приближения к Селенгинскому острогу. На протяжении между устьем Уды и Селенгинским острогом монголов, по словам Спафария, было „многие тысячи“ (с. 174). Выше Селенгинского острога жилища монголов были также и на правой стороне р. Селенги. Эти монгольские поселения по Селенге являлись как бы соединительным мостом между Бурятией и Монголией. Кроме того, по сведениям Спафария, монголы в то время кочевали по рекам Чикою (до водораздельного хребта между бассейнами рек Селенги и Амура), Ингоде и Онону (с. 127).

Характерно, что у Спафария нет указаний на наличие бурятских жилищ в долине р. Уды, притоке Селенги. Так как Спафарий проезжал здесь поздней осенью—в ноябре,—можно предположить, что жившие по Уде буряты откочевали на зимники—в пади, защищенные горами от холодных ветров. В данном случае имел значение также и факт резкого уменьшения бурят-монгольского населения в Удинской долине, стоявший в связи с процессом русского завоевания восточной Бурятии. Спафарий сообщает, что в 1674 году, то-есть за год до его приезда в Забайкалье, албазинские и нерчинские казаки „погромили на речке, названной по этому поводу „Погромной“ (приток Уды), неясачных монголов-табунутов, которые до этого в числе приблизительно трех тысяч человек кочевали по Уде, а после погрома „разбежались далеко“, уйдя в степи по р. Онону (с. 137).

Построенные в бассейне р. Уды остроги Еравнинский и Телембинский, а также Удинское зимовье (впоследствии город Верхнеудинск, ныне Улан-Удэ) в период проезда Спафария собирали ясак только с эвенков. Объясаченные буряты восточного Забайкалья платили ясак в Нерчинский острог (с. 140).

Таковы приводимые Спафарием сведения о расселении бурят-монголов в добайкальской и забайкальской Бурятии. Сведения эти являются далеко неисчерпывающими, так как Спафарий при составлении своего описания имел в виду лишь те районы, которые лежали на пути его следования или непосредственно прилегали к этому пути. Так, он не упоминает о местах обитания бурят в бассейне верхнего течения Лены, в районе Нижнеудинского острога, в северо-западном Забайкалье по р. Баргузину и в других.

Что же представляла из себя, по описанию Спафария, Бурятия, как завоеванная незадолго перед тем колония Московского государства?

Завоеватели уже закрепили свое поступательное движение

основанием острогов, которые являлись опорными пунктами для проведения колонизаторской политики. Спафарий упоминает на территории обитания бурят остроги Балаганский, Иркутский, Баргузинский, Селенгинский, Еравнинский, Телембинский, Нерчинский.

Почти в каждом из этих острогов содержались „аманаты"— заложники, взятые из среды бурят и эвенков в обеспечение того, чтобы „великому государю эвенки и браты не изменили" (с. 112), причем первым признаком „измены" считался отказ от платежа ясака. Таких аманатов в Балаганском остроге было 4 человека, по 2 от бурят и от эвенков. Аманаты содержались также в Иркутском, Телембинском и др. острогах.

Размер ясака, наложенного на покоренных бурят и эвенков, не был одинаковым для всех районов. Так, в Иркутском остроге, по словам Спафария, буряты платят ясак „со всякого, человека... кроме женского полу, по соболю и по два" (с. 115), а эвенки, жившие в окрестностях Телембинского острога платили по 5 соболей с человека (с. 138). Но это были „официальные" нормы ясака; фактически ясак платился в гораздо больших размерах вследствие вымогательств, а часто и прямого грабежа со стороны ясачных сборщиков.

Русская колонизация в описываемый период внедрилась уже довольно глубоко в земли, которые до завоевания являлись пастбищными и охотничьими угодьями бурят и эвенков. Выше было отмечено, что селения русских крестьян перемежались с бурятскими в долинах рек Оки, Уды и Куды. Еще более глубоким было это внедрение в бассейне Верхней Лены, который остался вне поле зрения Спафария.

В Забайкалье полоса русской земледельческой колонизации шла по долине р. Селенги, начиная от Кударинской степи до впадения в Селенгу р. Итанцы. Бурят-монголы постепенно вытеснялись из речных долин в худшие места. В этом отношении показательно сообщение Спафария о том, что при устье р. Куды, по всему течению которой до завоевания кочевали буряты, уже образовалось „займище", т. е. ряд захваченных и отобранных у бурят земельных участков иркутских служилых людей (с. 115).

Буряты не только отодвигались от своих прежних мест обитания, но, подвергаясь военным погромам, уходили из обжитых „породных мест" в другие районы. Так „запустел" остров Ольхон, на котором до погрома жило много бурят, а в Забайкалье—долина р. Уды после поражения табунутов.

Спафарий сообщает факты, свидетельствующие о том, что буряты и эвенки в некоторых случаях выступали против завоевателей с оружием в руках. Так, погром табунутов в 1674 г. был вызван, по словам Спафария, тем, что они „обиды чинили государским людям многие" (с. 137), т. е. оказывали вооруженное сопротивление. Враждебное отношение туземцев Забайкалья к завоевателям ярко выразилось в убийстве бурят-

монголами царского посла Заболоцкого, посланного из Москвы к монгольскому хану. Об этом событии Спафарий упоминает при своем проезде вблизи того места, на юго-восточном берегу Байкала, где был убит Заболоцкий (с. 121).

Сам Спафарий не считал исключенной возможность нападения на его бурят-монголов. В „отписке", посланной царю из Нерчинского острога, он сообщал, что „в недавних днях" буряты отогнали от этого острога около тысячи лошадей и одного казака увезли. Поэтому Спафарию пришлось ехать от Телембинского острога до Нерчинского „с великим береженьем, чтобы мунгалы и браты не ударили". Тот факт, что ему удалось до Нерчинского острога доехать „в целости", Спафарий считал „милостью божьей и государевым счастьем" (с. 175).

Относительно хозяйства и быта бурят в дневнике Спафария содержится мало сведений. Так, о западных бурятах автор ограничивается замечанием, что „юрты у братов войлочные, а платья носят по-калмыцки, и скота всякого—коней, коров и овец—много" (с. 111). Монголы „имеют над всеми тайшами начальника Очироя Сани-хана..., а в духовных имеют большого жреца кутухту-ламу". Часть монголов кочует „неподалеку от Селенгинского острога, потому что у них городов и сел нет, и для того кочуют по степям в юртах войлочных для прокормления многого скота их" (с. 128). Таким образом, в описываемый период ведущей отраслью хозяйства как у бурят, так и у монголов было кочевое скотоводство.

В сообщениях Спафария отмечается некоторое развитие обмена в юго-западном Забайкалье. Центром, вокруг которого сосредоточивался этот обмен, был Селенгинский острог, являвшийся тогда крайним южным форпостом русского владычества в долине Селенги.—„Здесь кончается сибирское государство и начинается государство мунгальское,—пишет Спафарий, выясняя пограничное значение Селенгинского острога, способствовавшее развитию здесь торговли:—мунгалы кочуют здесь кругом (Селенгинского острога) зело (очень) много и торгуют с казаками: продают кони и верблюды и скот, также и всякие китайские товары, а покупают у них (казаков) соболи и иные многие русские товары" (с. 128). В роли сторон, участвовавших в обмене, Спафарий указывает только монголов и русских казаков, но на основании других исторических источников можно утверждать, что в этом обмене принимали участие также буряты и эвенки.

Характерно, что при преобладании в этом пограничном районе меновой торговли Спафарий отмечает случаи продажи скота за деньги. Так, когда посольству Спафария понадобились лошади и верблюды, то их пришлось купить „в дальних улусах" у некоего Цынбена тайши „дорогою ценою"—верблюдов по двадцати и по двадцати пяти рублей, а лошадей по семи, девяти, десяти рублей и больше (с. 135). В полосе рус-

ской земледельческой колонизации по Селенге хлеб продавался также за деньги—„по пять алтын[1] и меньше за пуд“ (с. 125).

Одним из существенных методов проведения колонизаторской политики царского правительства в Сибири являлось создание церквей и монастырей, которым ставилась задача „крестить неверных“ и тем самым содействовать колониальной эксплоатации туземных народов и их руссификации. Этот процесс христианизации туземцев Бурятии нашел свое отражение в дневнике Спафария: в добайкальской Бурятии он отмечает построение церквей в Братском и Иркутском острогах, причем в окрестностях последнего кроме того был создан монастырь (Вознесенский). Церковное строительство шло и в Забайкалье: по сообщению Спафария, в долине Селенги в „Средней заимке“ (ныне село Троицкое) „служилые люди заводят монастырь и церковь построили, и в нынешнем (1675) году тот монастырь будет построен совсем“[2] (с. 125). В Селенгинском остроге также уже была построена „церковь великая“ (с. 127).

Но в той же долине Селенги навстречу православию, насаждаемому согласно указам из Москвы, выступал с юга из Монголии его соперник—ламаизм. Упоминание о жилищах лам („юрты-лабины“) встречаем в том месте дневника Спафария, где описывается путь по долине Селенги между устьем р. Хилка и Селенгинским острогом (с. 127). Этим сообщением Спафария устанавливается тот факт, что проповедники ламаизма „работали“ в юго-западном Забайкалье уже в 70 годах XVII века. Следовательно, начало распространения ламаизма в Бурятии следует относить ко II половине XVII века вопреки мнению некоторых исследователей о том, что ламаизм начал внедряться в Бурятии только в XVIII веке. Спафарию известен и тот факт, что в Монголии на реке Тола „живет кутухта-лама... и он над всеми жрецами начальник, ...и в том месте построили капище своим идолам великое каменное, будто город“... (сс.129—130).

В заключение сводки сообщений Спафария о бурят монголах следует отметить у него один термин, относящийся к социальным отношениям бурят-монголов: Спафарий указывает, что „бурят-монголы платят ясак со всякого человека *из холопей своих*“... (с. 115). Слово „холоп“ на официальном языке той эпохи обозначало крепостного человека. Таким образом Спафарий, несомненно хорошо знакомый с существовавшей тогда

---

[1] Алтын—3 копейки.

[2] Это—известный впоследствии в Забайкалье Троицкий монастырь на р. Селенге, захвативший много земель в различных местах Бурятии и монополизировавший в своих руках рыбные ловли на Байкале. Монастырь вел руками закрепощенных им людей, в том числе и обращенных в православие бурят, обширное, по местному масштабу, крепостническое хозяйство.

социальной и сословной терминологией официального языка, приравнивает бурят—улусных людей, плативших ясак,—„холопам", то-есть считает их крепостными. Эта терминология подтверждает, что у бурят-монголов в XVII веке уже существовали феодальные отношения.

ИЗБРАНТ

Спустя 18 лет после путешествия Спафария, через Бурят-Монголию проехал другой путешественник Эверт-Избрант-Идес. Голландец. Избрант Идес еще в молодости приехал в Россию по торговым делам. В 1692 году он был отправлен Московским правительством в Китай для переговоров о развитии торговых сношений между обоими государствами. Посольство Избранта, не достигнув успеха в выполнении своей задачи, возвратилось в Россию в 1695 году. Описание его путешествия было издано в 1704 году в Амстердаме на голландском языке, а в 1727 году—там же на французском языке в серии „Recueil des voyages au Nord" („Собрание путешествий на север"), том VIII, под заглавием „Voyage de Moscou à la Chine par M-r Everard Isbrants Ides, ambassadeur de Moscovie". („Путешествие из Москвы в Китай Эверарда Избранта Идеса, посланника Московского государства"). В дальнейшем изложении мы пользуемся этим французским изданием.

В описании путешествия Избранта содержится не мало интересных сведений о Сибири, которые были новыми в тогдашней литературе, но правильные сообщения часто чередуются у Избранта с разного рода вымыслами.

Отмечая в описании путешествия свой проезд через Братский и Балаганский остроги (в феврале 1693 года), Избрант пишет: „По горам и равнинам, входящим в состав территории, подведомственной этим острогам, живут идолопоклонники, называемые бурятами. Буряты очень богаты скотом—в особенности быками и коровами, у которых очень длинная шерсть и совсем нет рогов" (с. 61). Можно предполагать, что это сообщение указывает на наличие в стадах западной Бурятии особой породы яков, отличающихся, как известно, длинною шерстью.

Буряты живут,—сообщает далее Избрант,—в очень низких хижинах, прочно построенных из дерева и покрытых глиной; они не меняют места своего жительства, как это делают тунгусы и прочие „идолопоклонники" (сс. 61—62). Следовательно, у приангарских бурят к концу XVII века войлочные юрты, в которых буряты прежде жили круглый год, уже заменились деревянными зимними жилищами, и сократилась амплитуда прежних перекочевок. Впрочем сравнение с эвенками свидетельствует о том, что отмеченная степень оседления бурят была относительной: они изжили тот „бродячий" образ жизни, который продолжали вести их соседи эвенки, но перекочевки

в определенных районах в зависимости от времени года у бурят еще сохранялись.

Кроме скотоводства, буряты занимались рыболовством и охотой, особым видом которой являлась облавная охота. „Весной и осенью,—пишет Избрант,—буряты собираются сотнями и верхом едут охотиться на диких коз и оленей. Такую охоту они называют облавой. Приехавши на то место, где предположено охотиться, охотники размещаются в виде круга, причем этот круг охватывает большую площадь. Затем они все сразу устремляются к центру круга и гонят к этому центру всех зверей, которые оказались в круге, и устраивают при этом массовую их бойню. Часто бывает так, что от охотников не спасается ни одно животное, причем каждый охотник делает более 30 выстрелов" (с. 62).

Таким образом, облавная охота в конце XVII века продолжала еще практиковаться не только в восточной Бурятии, но и в западной.

Избрант отмечает между прочим одну такую особенность облавной охоты, которой не указывают другие путешественники, писавшие об облавной охоте: „случается, что охотники, стреляя без прицела и беспорядочно, иногда убивают один другого и постоянно ранят много лошадей" (с. 62). Характерно также, что по окончании облавной охоты каждый охотник, как сообщает Избрант, старается собрать на месте охоты по возможности все выпущенные им стрелы (с. 62). Это вполне понятно; каждая стрела снабжалась металлическим наконечником, который, как мы знаем из сообщений других путешественников, выковывался и прилаживался к стреле часто кузнецом-специалистом,—и поэтому представляла сравнительно значительную ценность. Особенно ценились так называемые „свистящие" стрелы, описание которых находим в „Путешествии" Палласа (см. ниже).

Судя по сообщениям Избранта, облавная охота в западной Бурятии в конце XVII века не превратилась еще в простое развлечение бурятской феодальной знати: она продолжала сохранять большое экономическое значение, являясь основным способом добывания мясных продуктов для питания массы бурятского населения. Этот факт свидетельствует о том, что поголовье скота у бурят тогда было еще немногочисленным. Значительные запасы мяса, добытые на облавной охоте, сохранялись впрок, путем сушения на солнце (с. 62). „Пока эта провизия у них (бурят) держится,—пишет Избрант,—они питаются ею, и только когда она съедена, у них является намерение повторить охоту или рыбную ловлю—в зависимости от времени года. То, что буряты в этом случае дотягивают дело до последней крайности, объясняется однако не их леностью, но уверенностью в том, что они добудут много зверей, лишь только захотят этого, и действительно область бурят изобилует дичью, в чем я однажды убедился, увидев склон горы, сплошь покрытый дикими козами" (сс. 62—63).

Но наряду с обилием мясной дичи Избрант отмечает истощение в западной Бурятии запасов пушного зверя. „В стране бурят мало пушнины,—пишет Избрант,—в окружности 5—6 миль (от острогов Братского и Балаганского) попадаются только медведи и волки“ (с. 63).

Это истощение пушных богатств являлось результатом хищнического истребления пушного зверя со времени русского завоевания: одной из задач колонизаторской политики было, как известно, извлечение из колоний возможно большого количества „мягкой рухляди“—пушнины.

Что касается земледелия в Бурятии, то, по словам Избранта, им занимались только русские (с. 66).

В Бурят-Монголии конца XVII века, по сообщениям Избранта, существовал обмен: ехавшие в Китай путешественники покупали, например, быков и верблюдов для запряжки в свои экипажи,—но этот обмен отличался некоторыми особенностями. „Буряты совсем не берут серебра в монетах, но берут золото и серебро в слитках, медные и оловянные котлы, шкурки соболя и выдры, красное сукно, персидскую материю „фай“ разных цветов. Буряты продают лошадь применительно к ценам перечисленных товаров—за 4—5 рублей, а верблюдов за 10—12 рублей“ (с. 63). Отказ бурят от приема серебряных монет царского казначейства вполне понятен: количество серебра, содержавшееся в монете, совершенно не соответствовало номинальной ее стоимости, золото и серебро в слитках, а также различные ценные товары (пушнина, сукно и пр.) являлись для бурят гораздо более точным эквивалентом продаваемых ими товаров, чем монеты царского казначейства, все более и более обесценивавшиеся в отношении содержания в них чистого металла.

В записях Избранта характеризуется и тот колонизаторский режим, который был установлен завоевателями в только что завоеванной Сибири вообще и в частности в Бурятии. „Границы Сибири,—пишет он,—охраняются войсками, часть которых занята покорением под власть царя различных народов, врезавшихся в Сибирь с юга, а другая часть держит в повиновении те народы, которые уже покорены“ (с. 172).

Избрант приводит факты, иллюстрирующие один из обычных приемов колониального угнетения туземцев Сибири—оттеснение бурят из богатых пастбищами речных долин в отдаленные таежные места. „Некоторые буряты... имели некогда свои пастбища в окрестностях Селенгинского острога, но царские служилые люди заметили, что эти буряты под влиянием подстрекательства со стороны китайцев начали покидать страну, где они жили, и уходить к монголам. Тогда эти служилые люди, чтобы не иметь опасений со стороны бурят, переселили их в гористые местности в окрестностях озера Байкал“ (сс. 195—196).

Конечно, приведенные автором мотивы переселения бурят

были только предлогом для того, чтобы „очистить“ занимавшиеся бурятами места для русской колонизации.

Одним из главных методов колонизаторской политики являлась, как известно, христианизация туземных народностей Сибири, в том числе и бурят-монголов, причем царское правительство стремилось залучить в лоно православия сначала представителей бурят-монгольской знати, чтобы потом через их содействие „просветить крещением“ широкие массы бурят-монголов.

По сообщению Избранта, в Иркутском монастыре жил „тайша“ или „монгольский барон“ (baron mongale), который принял греческую веру (православие) и находился поэтому под покровительством царя (с. 68). Известно, что в 1692 году приняли православие вышедшие из Монголии в Восточную Сибирь монгольские владельцы Мергень-Ахай-тайша и Бодой Данчинов. Можно предполагать, что упоминаемый Избрантом „барон“ и был Мергень-Ахай-тайша.

Несмотря на то, что в описываемый период царское правительство считало завоевание Бурятии законченным, боевая обстановка была далеко еще не изжита. Так, Избрант сообщает, что Иркутский острог „имеет сильную крепость“ (с. 66) и что к Удинскому острогу (Верхнеудинск, ныне г. Улан-Удэ), который „считается ключом к Даурской провинции“, монголы часто приходят в летнее время на поля, окружающие острог, и угоняют лошадей, принадлежащих жителям острога. Острог защищен хорошей крепостью; когда монголы приходят и нападают на жителей, те убегают в крепость, в которой имеется постоянный гарнизон, состоящий из русских казаков (с. 73).

Наряду с вышеприведенными сведениями, которые подтверждаются другими историческими источниками, в описании Избранта имеется много всякого рода вымыслов и искажений. Так, по его мнению, религия бурят заключается якобы в единственном обряде, который они совершают 2—3 раза в год: „водружают перед дверями их жилищ шесты, на которые нанизывают живых козлов и овец; затем буряты становятся вокруг этих животных и совершают им поклоны до тех пор, пока те не издохнут“ (с. 64).

Известно, что при жертвоприношениях у бурят-шаманистов жертвенные животные закалывались и на шестах вывешивались их шкуры.

„У них (бурят) есть духовные лица,—пишет далее Избрант,— которых они убивают когда им заблагорассудится; при этом буряты говорят: „надо послать этих людей на тот свет, чтобы они молились за нас“ (с. 64).

Это сообщение о систематическом умерщвлении бурятами-шаманистами своих шаманов не находит себе подтверждения в других исторических источниках.

ЛАНГЕ

Следующим после Избранта путешественником по Бурятии, оставившим заметки о своем путешествии по ней, был швед Лоренц Ланге, посланный Петром I в Китай с полномочиями политического агента. Ланге проезжал через Бурятию в 1716 году, то-есть спустя 23 года после путешествия Избранта. Ланге пробыл в Китае до 1722 года, когда вынужден был по требованию китайского правительства возвратиться в Россию.

Путевой дневник Ланге издан в Амстердаме в 1734 году на французском языке в серии „Recueil des voyages au Nord" („Собрание путешествий на север"), том V, под заглавием „Journal du voyage de Laurent Lange à la Chine". (Дневник путешествия Лоренца Ланге в Китай).

Отмечая в своем дневнике приезд в Брацкий острог (июнь 1716 г.), Ланге пишет, что „в окрестностях острога живут в войлочных юртах[1] брацкие татары" (так Ланге называет бурят. В. Г.). Они очень богаты лошадьми и скотом всякого рода. Если кто-нибудь из них имеет 500 лошадей и соответствующее количество другого скота, то это не считается особенно значительным" (с. 388). Но источником мясного питания бурят Ланге считает все же не скотоводство, а охоту, которая „доставляет бурятам главный продукт их питания" (там же).

Ланге сообщает также цифровые данные о размерах калыма[2] у бурят: есть жены, за которых их мужьями заплачено 60 лошадей, за некоторых даже 100, с добавлением к этому значительного количества быков и баранов и 20-ти и более верблюдов (с. 389).

Краткая заметка Ланге о религии бурят, как и у Избранта, заключает в себе ошибки. Так, по сообщению Ланге, перед шкурами жертвенных животных, вывешенными на шестах, буряты „повергаются наземь, совершая при этом много кривляний, как сумасшедшие" (с. 389). Очевидно, автор смешал поклонение шаманистов с шаманским камланием[3].

Выше было отмечено сообщение Избранта о том, что буряты обменивают продукты своего хозяйства не на металлические деньги (в монете), а на золото и серебро в слитках и на различные товары. Это подтверждает и Ланге: „Путешествующие по стране бурят должны запастись хлебом и табаком, потому что в обмен на это путешественники могут получить все необходимые им жизненные припасы" (с. 389).

Другие, менее значительные сообщения Ланге, не вносящие ничего нового по сравнению с другими источниками, здесь не приводятся.

---

[1] Очевидно, имеются в виду летние жилища бурят. Зимними жилищами служили деревянные юрты (см. выше сообщение Избранта).

[2] Калым—плата за невесту, вносимая женихом ее родителям.

[3] Камлание—богослужение, совершаемое шаманами; обычно оно сопровождалось ударами в бубен. Во время камлания шаманы впадали в экстаз.

ГМЕЛИН. МИЛЛЕР

С первой половины XVIII века русским правительством предпринимается более систематическое, чем это было в XVII веке, исследование Сибири посредством научных экспедиций, организуемых учрежденной в 1725 году Академией Наук. Спустя 8 лет—в 1733 году—Академией Наук была снаряжена большая научная экспедиция, в составе более 200 человек, для изучения полуострова Камчатки и ближайших к нему районов, а также Восточной Сибири. Общие задачи экспедиции заключались в том, чтобы изучить естественные условия, историю, этнографию и археологию тех районов, через которые она проезжала.

Одна часть экспедиции под начальством Беринга должна была совершить плавание от Камчатки к берегам Америки, другая—ехать сухим путем через Сибирь. В „сухопутной" части экспедиции приняли участие натуралист Гмелин, историки Миллер и Фишер, астроном Делиль-де' Кройер, адъюнкт (помощник профессора) Стеллер, пять студентов (в том числе Крашенников, прославившийся впоследствии своим изучением и описанием Камчатки), четыре землемера, переводчик, рисовальщик и живописец.

Для изучения Бурят-Монголии большое значение имели труды Гмелина и Миллера. Гмелин-Иоанн-Георг, уроженец Германии, состоял на службе в Академии Наук в должности профессора химии и натуральной истории. Результатом работ Гмелина, выполненных им во время путешествия, было сочинение „Сибирская флора". Кроме того, Гмелин собрал много этнографических материалов, относящихся к различным туземным народам Сибири, в частности к бурят-монголам. Эти этнографические сведения Гмелин изложил в четырехтомном описании своего путешествия, изданном на немецком языке в Германии под заглавием „Reise durch Sibirien". Theile I—IV, Gottingen 1751—1752. („Путешествие через Сибирь, части I—IV, Temmunren. 1751—1752).

Миллер, Герад-Фридрих, уроженец Вестфалии, в 1725 г. переехал в Россию и сделался профессором Академии Наук.

Исторические материалы, собранные Миллером во время сибирского путешествия, обработаны им в книге, изданной в 1750 г. в Петербурге под заглавием „Описание сибирского царства". Продолжением этой книги было сочинение „Sammlung. Russischer Geschichte" (1761—1763 г.)—„Собрание материалов по русской истории" и ряд статей на русском языке, напечатанных в издании „Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие" (1763—1764 гг.).

Следует отметить отношение русского правительства к описанию путешествия Гмелина. Оно издано было автором в Германии, после того, как по окончании сибирского путешествия

он возвратился на родину. В своей книге Гмелин не скрыл отрицательных сторон русской колониальной администрации, в частности указал на ее прославленное в истории взяточничество. Для русских официальных кругов этого было достаточно, чтобы признать книгу Гмелина „излишней, непристойной и сумнительной“ [1]. Вследствие этого „Путешествие“ Гмелина осталось непереведенным на русский язык, несмотря на то, что оно заключало в себе массу интересных, по тому времени, сведений о Сибири и живущих в ней народах.

Гмелин впервые увидел бурят в Нижнеудинском остроге, куда он прибыл вместе со своими спутниками (в числе которых был и Миллер), в феврале 1735 года. Там путешественникам пришлось ожидать перемены лошадей. „Это время остановки,— пишет Гмелин,—мы провели интересно благодаря тому, что увидели бурят, которые в значительном числе живут вблизи Нижнеудинского. Мы разрешили войти к нам бурятским женщинам, мужчинам и девушкам, и разглядывали их одежду“ (Reise I, 395—396). По наблюдениям Гмелина, одежда и украшения буряток носили характер национального костюма, но одежда бурят-мужчин ничем не отличалась от одежды русского простонародья, что указывало на значительную степень руссификации нижнеудинских бурят.

В тот же вечер у путешественников, которые очень интересовались шаманизмом, было „другое развлечение“: они пригласили к себе трех бурятских шаманов, которые на глазах путешественников совершили камлание на дворе, где был разожжен костер (I, 397).

По сравнению с периодом конца XVII века в расселении бурят произошли уже некоторые изменения. По сообщению Избранта, буряты в 1693 году обитали еще в окрестностях Брацкого острога (см. выше), но к 30 годам XVIII века, как указывает Гмелин, они почти все оттуда уже откочевали (II, 192). Также не было бурят и в районе Яндинского острога, тогда как в период русского завоевания в этом остроге производился сбор с них ясака (с. 185).

270230

В первый свой проезд через Балаганский острог (в 1735 г.) Гмелин сообщает о хозяйстве балаганских бурят следующие сведения: „в районе Балаганского острога живет очень много бурят, которые до сего времени совершенно не помышляли о занятии земледелием. Они живут исключительно скотоводством. В особенности славятся бурятские быки; я видел несколько штук таких, которые ничуть не уступают черкасским“ (I. 407). При вторичном посещении Балаганского острога (в 1736 году) Гмелин внес некоторые поправки в свое предыдущее сообщение.

---

[1] Пыпин. История русской этнографии, т. IV. П. 1892, с. 227.

Иркутская областная
БИБЛИОТЕКА
Единый каталог
Республиканская
библиотека им. М. Горького
Бур. АССР г. Улан-Удэ
1000580

„По богатству, то-есть по количеству скота,—пишет он,—балаганские буряты далеко уступают бурятам, живущим за Байкалом". С этим фактом относительной бедности западных бурят Гмелин связывает наличие среди балаганских бурят крещеных в православие, так как „те сибирские туземцы, которые крестятся, делают это из-за бедности"[1]. „Эти крещеные буряты живут около Балаганского острога и 5—6 лет тому назад начали заниматься земледелием". (II, 181—182). Таким образом земледелие у западных бурят, существовавшее у них до русского завоевания и исчезнувшее после него вследствие обложения пашен большим налогом[2], с 30 годов XVII века стало восстанавливаться.

Часть западных бурят, кроме скотоводства, занималась кузнечным ремеслом. Квалифицированною отраслью этого ремесла являлась инкрустация по железу и стали серебром и оловом на различных предметах обихода с целью их украшения. Это искусство достигло у бурят, по свидетельству всех путешественников, большого совершенства.

Гмелин отмечает, что буряты „не в пример другим языческим народам" занимаются ремеслом, „в области которого среди балаганских бурят есть много мастеров. Они умеют делать по железу серебряные и оловянные насечки так хорошо, что их работа не уступает дамасской. Конская сбруя, ножны для охотничьих ножей, пояса, а также ложки являются предметом этой работы. Такие ложки делаются из железа, которое совершенно покрывается оловом. На других вещах серебро и олово насекаются только местами—для украшения (I, 407).

Чтобы наглядно познакомиться с приемами этой работы, путешественники вызвали к себе на квартиру несколько бурятских мастеров и заставили их изготовить в своем присутствии несколько образцов „брацкой работы"[3] („bratskische Arbeit"—технический термин, употребляемый Гмелиным и другими путешественниками для обозначения этого вида ремесла, а также и его продукции). Гмелин подробно описывает весь технологический процесс изготовления этих образцов (I, 408—409).

В связи со сведениями о работах бурятских мастеров по металлу Гмелин сообщает, что на левом берегу р. Ангары, в 5 верстах ниже деревни Бумажкиной есть гора, изобилующая железной рудой и что буряты „с незапамятных времен плавили железо из этой руды, о чем свидетельствуют многочисленные ямы в горе" (II, 177).

Хозяйство забайкальских бурят, по сообщению Гмелина, было чисто скотоводческим. Проезжая по району селенгинских

---

[1] Крестившиеся освобождались на несколько лет от уплаты в казну ясака. В. Г.

[2] См. ниже. Стр. 40.

[3] Служилые люди, завоевывавшие Сибирь, называли бурят—„браты", „брацкие люди", отсюда прилагательное „брацкий"—бурятский.

бурят, Гмелин отмечает, что „буряты здешних мест живут одним только скотоводством...", они—очень зажиточны, и иной селенгинский бурят имеет до тысячи овец и, кроме того, много быков и лошадей... Буряты ездят верхом на лошадях, быках и коровах... (I, 421). В другом месте своего описания Гмелин подчеркивает, что „главнейшее богатство бурят заключается в скоте—лошадях, быках, овцах и козах. Но бурят не остается более одного—двух месяцев на одном месте; если его скот поел корм на одном месте, он ищет другое" (I. 428).

Что касается наличия у забайкальских бурят ремесл, то, по сообщению Гмелина, селенгинские буряты „не в пример балаганским бурятам, никаким ремеслом не занимаются" (I, 424). Из контекста видно, что под ремеслом Гмелин разумел здесь исключительно инкрустацию—серебром и оловом, о которой говорилось выше. Описывая далее район нижнего течения р. Селенги, Гмелин отмечает еще раз, что „буряты здешних мест не умеют изготовлять брацких изделий", но указывает, что Итанцинский острог (расположенный при впадении реки Итанцы в Селенгу и существовавший еще в 30 годах XVIII века) „славится" этими изделиями, причем многие русские жители питаются тем, что торгуют произведениями бурятского ювелирно-кузнечного ремесла, используя то благоприятное положение, что они живут близко от бурят (II. 147).

Тот факт, что русские торговцы „кормились" от этой торговли, свидетельствует о том, что продукция бурятских мастеров была довольно значительной. С другой стороны указание Гмелина, что местные буряты не занимаются этим ремеслом, заставляет предполагать, что в Итанцинском остроге или сосредоточивалась забайкальская торговля „брацкими изделиями" или здесь жила группа бурятских мастеров, приехавших сюда из добайкальской Бурятии и сбывавших продукцию своего производства местным русским перекупщикам. Приходится сожалеть, что этот вопрос, могущий пролить свет на историю развития ремесла у бурят, не освещен Гмелиным с достаточной полнотой.

Так как развитие ремесла находит для себя благоприятную обстановку в развитии поселений городского типа, то необходимо отметить указания Гмелина на наличие бурят в составе городского населения Прибайкалья. Так он констатирует, что во время его приезда в Иркутск (1735 г.) „несколько бурятских юрт было расположено около ворот города Иркутска" (через эти ворота въезжали в город со стороны р. Ушаковки). (II. 172), а при описании Верхнеудинска сообщает, что в числе жителей города были „ясачные карымы". Это сообщение Гмелин сопровождает пояснением, что „карымом называется бурят, женившийся на русской и вследствие этого принявший христианство" (II, 140—141). Таким образом, кроме того стимула к принятию бурятами христианства, который Гмелин приводил в

другом месте (см. выше), существовал еще и другой—стремление бурят легализовать свои браки с русскими женщинами.

Любопытны приводимые Гмелиным сообщения относительно взаимоотношений между бурятами, принявшими христианство—с одной стороны, и оставшимися в „язычестве"—с другой. „Благоприятным условием для крещеных бурят является то, что они не подвергаются преследованиям со стороны своих, оставшихся в язычестве соплеменников, которые, наоборот, жалеют своего бывшего единоверца, так как он, приняв христианство, обязан соблюдать посты, не может есть каждый день сколько хочет, и должен, кроме того, ограничиваться наличием только одной жены" (III, с. 29).

Сообщая общие сведения о бурятском хозяйстве, Гмелин уделяет мало внимания социальной дифференциации среди бурят; жизнь и труд широких масс остаются вообще вне поля зрения не только Гмелина, но и некоторых других путешественников, и только о быте верхушки бурятского общества—тайшинства и связанного с тайшинством ламства—мы можем извлечь некоторые, но и то далеко неполные сведения из путевого дневника Гмелина.

Гмелин описывает между прочим встречи с бурятскими тайшами—селенгинским и хоринским. Находясь в апреле 1735 г. в селении Зуй (на Селенге), путешественники (Гмелин, историк Миллер и их спутники), узнали, что недалеко от Зуя, на реке Чикой живет „тайша или принц, принадлежащий к монгольской или далай-ламской религии, который прежде сам был монгольским ламой, но чтобы иметь возможность жениться, сложил с себя сан ламы и в настоящее время держит при себе монгольского ламу". В надежде получить от этого тайши сведения о ламаизме, Гмелин и его спутники решили посетить тайшу и поехали к нему (I.426).

По пути путешественники останавливались у одного довольно богатого бурята. Гмелин не указывает социального положения этого домохозяина; повидимому, это был или нойон „среднего ранга" или выделившийся из низов кулак: у него были две войлочных юрты-„летника": в одной из них жил сам хозяин с женой и родственниками, а другая служила жильем для его работников. Гмелин не указывает, были ли это наемные работники или обедневшие родовичи, работавшие бесплатно в отработку за оказанную ранее „родственную помощь". Белые войлоки, которыми были покрыты юрты, изготовлялись в данном хозяйстве. В юрте, где жил хозяин, была коллекция изображений шаманских божков-„онгонов" (I.427—428).

Недалеко от Чикойского зимовья, на степи, путешественников встретил тайша[1] в сопровождении ламы-гелюна[2] и двоих

[1] В исторической литературе мало сведений о тайшах селенгинских бурят. Тайша, о котором здесь идет речь (Гмелин не указывает его имени), вероятно—Лопсан, старший сын известного Окинь тайши, перешедшего в конце XVII века „со многими улусными людьми" в подданство России и получившего за это обширные земли по р. Чикою.

[2] Одна из высших степеней ламства.

человек из своей семьи. Перед тайшей ехало трое бурят, вооруженных луками и стрелами, причем средний вез красное знамя. Это знамя подарил тайше Савва Рагузинский, когда он находился в Забайкалье в качестве российского посланника. На каждой стороне знамени было изображение солнца; рядом с этим изображением было написано русскими буквами: „никому не уступает", а ниже была надпись частью на латинском, частью на русском языках, заключавшая в себе здравицу российскому императору[1].

Ниже приводятся некоторые подробности приема путешественников как селенгинским тайшей, так и хоринским, так как эти подробности характеризуют не только быт привилегированной бурятской верхушки, но и высокомерное и „начальственное" отношение академических путешественников к бурятам, которых они считали „некультурной расой"[2].

Когда путешественники подъехали к летним юртам селенгинского тайши, расположенным в степной низине, хозяин повел гостей в юрту, занимаемую ламой. Там было довольно чисто; вся юрта была устлана коврами, на которые и уселись гости, тайша и лама.

В одном углу юрты была божница с бурханом (статуэтка, изображающая одного из божеств ламаизма) и с принадлежностями ламайского культа.

Беседа, завязавшаяся между путешественниками и ламой-гелюном, касалась главным образом ламаизма. Лама, по мнению Гмелина, не принадлежал к высшему рангу духовенства и поэтому не располагал исчерпывающими знаниями о своей религии, но все же из его пояснений Гмелин сделал вывод, соответствовавший, как видно из контекста, его собственным воззрениям на этот вопрос,—тот вывод, что ламаизм якобы является искаженным ответвлением католической религии[3]. Лама, повидимому, желая „попасть в тон" своим собеседникам, рассказал им, что бурхан, которого они видят, изображает сына истинного бога. Этот сын божий пришел в мир, чтобы научить людей, и после этого возвратился на небо. Его мать подает всем, особенно путешествующим, великое утешение при всех напастях и т. п. Однако же лама должен был признать, что „прежде буряты

---

[1] Царское правительство, стремясь привлечь на свою сторону бурятскую знать для проведения своей колонизаторской политики, щедро раздавало представителям этой знати, кроме земель и правовых привилегий, также знамена, ордена, медали, кортики, „почетные" кафтаны и т. п.

[2] Более детальному выяснению причин такого отношения посвящена заключительная глава настоящей работы.

[3] О религиозных взглядах самого Гмелина можно судить по его собственному утверждению, что ламы при благословении верующих складывают пальцы совершенно так же, как их складывал „сын божий, когда он, живя на земле, учил и благословлял людей" (I.435—436).

не знали никаких богов: благочестивый лама или справедливый правитель считались божеством" (I. 431—434).

После беседы с ламой гостям был предложен чай, варка которого происходила в той же самой юрте. Посреди юрты горел огонь, над которым находился большой железный котел, вмещавший в себе пуд с четвертью воды. В котле варился чай, который по-бурятски называется „затуран". Это была смесь из воды, молока и кирпичного чая, с прибавкой масла; она имела вид шоколада. „Этим затураном буряты хотели хвастнуть перед нами",—замечает Гмелин.

Хозяева наполнили приготовленным чаем деревянные чашки и подали их гостям, но европейские путешественники, нарушая правила элементарной вежливости, отказались даже отведать чаю, так радушно им предложенного. „У нас не было никакого желания пить такой чай,—пишет Гмелин,—и мы просили позволения приготовить чай по нашему способу и пить его в нашей посуде". Хозяевам не оставалось ничего другого, как исполнить просьбу гостей, которые были переведены в другую юрту и там напились чаю, приготовленного „по-европейски" (I.439).

При отъезде гостей тайша, „соблюдая вежливость", проводил гостей на расстоянии 2—3 верст от своего жилища так же, как и при встрече, верхом и в сопровождении свиты.

Спустя приблизительно один месяц (в мае 1735 года) те же путешественники, проезжая по Хоринской степи, посетили главного тайшу хоринских бурят Эринце (Иринцея) Шодоева. Эринце был тайшею в период 1732—1765 гг. Церемониал встречи был такой же, как и при посещении селенгинского тайши.

Жилище Эринце состояло из 5—6 юрт обычного типа. Вокруг юрт стояли жерди с насаженными на них жертвенными баранами. Шкура с баранов была снята, потроха вынуты, но все мясо было на жерди. Эта картина свидетельствовала о том, что обитатели юрт были шаманистами.

В юрте тайша „показал" путешественникам двух своих жен, но гости были более заинтересованы в том, чтобы увидеть бабушку тайши, которая „в течение многих лет была шаманкой и которой буряты поклонялись, как богине". По словам Гмелина, эта шаманка особенно славилась своим искусством предсказывать будущее. О ней рассказывали, что бывший в Иркутске вице-губернатором Жолобов, узнавши почти невероятные факты о ее предсказаниях, вытребовал шаманку к себе в Иркутск и потребовал, чтобы она предсказала ему его будущую судьбу. Шаманка вначале предсказала Жолобову какие-то пустяки, он остался этим недоволен и заверил шаманку, что ей нечего опасаться какого-либо наказания в случае, если предсказания будут неблагоприятны. Тогда шаманка якобы предсказала Жолобову, что он будет заключен в оковы, увезен очень далеко и там ему отрубят голову. Получивши такое предсказание, Жолобов

не сдержал своего слова: он посадил шаманку в тюрьму, но через 8 дней все-таки отпустил ее на свободу (II. 10)[1].

Приведенные в юрту шаманки, путешественники получили возможность увидеть „знаменитость“ и говорить с ней. Это была старуха в возрасте около 80-ти лет. Путешественники попросили ее „пошаманить“ в их присутствии, но шаманка ответила, что с того времени, когда она была вызвана в Иркутск Жолобовым, она перестала шаманить, да и силы ее ослабели для этого. „Никак нельзя было уговорить ее,—пишет Гмелин,—также уклонялась она и от какого-либо разговора о другом ее искусстве—искусстве лечить, о котором рассказывали чудеса“ (II. 13).

При посещении тайши Эринце путешественники главное свое внимание обратили на предметы и принадлежности шаманского культа. „В юрте тайши мы могли видеть много такого, чего не увидишь в других юртах“,—пишет Гмелин. Действительно, у тайши было много онгонов (изображений шаманских духов), различные принадлежности шаманского одеяния и т. п. Но осмотр этих вещей гости производили с такой бесцеремонностью, что он очень походил на обыск. Так, заметивши в юрте какой-то ящик, „стоявший в таком месте, которое заставляло предполагать наличие в нем предметов, относящихся к шаманству“, гости потребовали открыть его. „Мы не обманулись,—с удовлетворением замечает Гмелин:—ящик был наполнен множеством тряпок, в которые были завернуты различные принадлежности шаманского фиглярства; тут были кремни, кусочки красного и черного железняка, которые буряты называли „громовой стрелой“, пилюли, сделанные из красного воска“. Путешественникам было пояснено, что все эти предметы являются средствами для лечения болезней (II. 12).

Затем таким же порядком гости „обследовали“ содержимое войлочного мешка, стоявшего в другом конце юрты; он был наполнен онгонами.

Кроме этого комплекса принадлежностей шаманского культа, у тайши Эринце были собраны в особой юрте предметы, относящиеся к новой религии, которая тогда только что начала распространяться среди хоринских бурят—к ламаизму. В этой юрте между прочим стояли два больших серебряных бурхана,

---

[1] Жолобов за свои злоупотребления был казнен в Петербурге в 1736 году. Приведенное выше сообщение Гмелина о „пророчестве“ шаманки относится к числу „странствующих“ преданий, широко распространенных, в различных вариантах, среди суеверного населения Восточной Сибири. В архивных материалах сохранились сведения о том, что аналогичное предсказание якобы получил от шаманки Десук другой иркутский вице-губернатор Плещеев (Урсынович). Религии туземных народов Сибири. (с. 26). Значение этих преданий для истории заключается в том, что они характеризуют невежество и суеверие даже высших слоев царской администрации в Сибири. Известно, что воевода Пашков, управлявший в XVII веке восточным Забайкальем, предпринимая походы против туземцев, заставлял местных шаманов производить камлания, чтобы узнать, будет ли поход удачным („Житие протопопа Аввакума“, изд. 1904, с. 13).

приобретенных для старой шаманки у китайцев русским пограничным комиссаром Еремеем Фирсовым (II. 13).

Излишне-настойчивый характер осмотра, повидимому, заставил тайшу быть сдержанным по отношению к любознательным гостям. Из осмотренных предметов профессору Миллеру удалось получить, и то после продолжительных уговариваний, лишь несколько войлочных онгонов. „Мы не могли добиться согласия бурят показать нам еще что-нибудь,—пишет Гмелин, заканчивая описание своего пребывания у хоринского тайши,—а употребить силу считали нецелесообразным“ (II. 13). Таким образом, в арсенале имевшихся в распоряжении путешественников средств воздействия на изучаемое ими туземное и русское население Сибири была и грубая физическая сила, которую, как будет указано ниже, они в некоторых случаях и применяли.

В „Путешествии“ Гмелина, содержащем очень мало данных о социальных отношениях у бурят, приводятся зато некоторые сведения о политическом настроении западных бурят в 30 годах XVIII века, в частности о том брожении, которое происходило в тот период среди бурят и эвенков в районе Брацкого и Илимского острогов. Эти сведения являются тем более ценными, что историческая литература, относящаяся к политическим движениям бурят и эвенков против царского владычества, очень скудна.

Отметив свой проезд в Брацкий острог, Гмелин сообщает, что в этом остроге содержится под стражей около 50 человек бурят и эвенков, „за то, что они замышляли восстание против Брацкого острога и русских селений, расположенных по р. Ангаре“ (III, 79). „Я не мог в точности разузнать,—пишет далее Гмелин,—что именно они предполагали предпринять—об этом говорили лишь втихомолку; в разных местах у бурят и эвенков было найдено огнестрельное оружие и порох в количестве, превышающем то, какое полагалось иметь туземцам. Говорили, что буряты и тунгусы хотели привести в исполнение свой замысел в один из трех сроков: в Петров день (29 июня), в Ильин день (20 июля) или 1 августа. Маленький бурятский мальчик, который незадолго перед тем был окрещен, донес об этом. Буряты и тунгусы, состоящие в ведомстве Брацкого острога, должны были выступить в роли зачинщиков и соединиться с бурятами, живущими по р. Удэ, и с илимскими эвенками. Двое из заговорщиков, которые в связи с этим делом были заключены в тюрьму и посажены в одну колодку, повесились в тюрьме“ (III. 79).

В связи с этим Гмелин указывает, что за три года перед тем (то-есть в 1735 г.) среди бурят также происходили волнения; многие из бурят, на виновность которых имелись указания, были схвачены и увезены в Иркутск; однако, просидевши несколько времени в заключении, они были освобождены. „Это

придало им более смелости,—пишет Гмелин,—так как они получили уверенность, что в случае раскрытия нового заговора, его участники опять смогут избежать наказания" (III. 80).

Свое сообщение о брожении среди бурят и тунгусов Гмелин заканчивает тирадой в духе великодержавного колонизаторства. „Я не могу себе представить,—пишет он,—чтобы они (буряты и эвенки) своими злоумышлениями могли достигнуть хотя бы малейшего успеха: имеется слишком много возможностей держать их в узде со всех сторон. Однако я не советовал бы оставлять безнаказанными их злоумышления; с ними (бурятами и эвенками. В. Г.) нужно обращаться как с детьми, которых следует иногда наказывать розгами, чтобы они вели себя хорошо"[1] (III. 80).

Гмелин отмечает, что буряты называли русских завоевателей „мунгут" (мангут), что по его объяснению значит леший („чорт, живущий в лесу"). Со своей колонизаторской точки зрения Гмелин объясняет это название не враждебным отношением туземных народов Сибири к угнетавшим их эксплоататорским группам русского населения, а исключительно „неразумием" бурят (I. 400).

Наиболее значительное место в своем „Путешествии" Гмелин отводит шаманизму, главным образом описанию обрядов, связанных с шаманским культом. Общие сведения о шаманизме, которые дает Гмелин, кратки и поверхностны. Он сводит сущность шаманства, в духе христианского богословия, к борьбе двух начал—доброго и злого. „Буряты почитают два божества: небо и злого духа,—пишет он,—шаманы указывают бурятам, какому из этих божеств следует приносить в том или ином случае жертву. Жертвоприношения с целью получения благ в будущем совершаются „небу", но если хотят отвратить от себя что-нибудь злое, то нужно приносить жертву злому духу". (II. 182).

Эти общие сведения Гмелин дополняет описанием шаманистских празднеств—„тайлаганов", жертвоприношений, совершаемых на них, а также описанием камланий бурятских шаманов и шаманок.

Гмелин, как и последующие академические путешественники (Паллас, Георги) рассматривали деятельность шаманаев исключительно как сознательный обман, мошенничество, фокусы

---

[1] Факт волнений среди бурят и эвенков Восточной Сибири в 30 годах XVIII в. подтверждается и официальными данными. В 1739 году в рапорте сената докладывалось (повидимому, со значительным запозданием) „о сибирских иноверцах ясашных — брацких и тунгусах, что в жатвенное время, соединясь, хотели на русских людей неприятельски наступать, и из них пуще заводчики (т. е. зачинщики—В. Г.) для следствия—забраны в Иркутск". В связи с этим сенат решил командировать в Восточную Сибирь „надежную персону", которая должна была „вышеупомянутых иноверцев исследовать со всякою осторожностью"—Сборник рус. историч. общества, т. 126, изд. 1907 г., с. 252.

и фиглярство, совершенно упуская из вида социальные корни этого влияния.

Другой религии бурят—ламаизму, который в 30 годах XVIII века переживал начальный период распространения среди восточных бурят, Гмелин уделяет гораздо меньше внимания, чем шаманизму. Но об одном из отделов ламайской „науки", о так называемой тибетской медицине, практиковавшейся и бурятскими ламами, Гмелин дает очерк методов лечения, применявшихся уже в то время одним из лам Восточной Бурятии. Это описание дается в приложении (№ 1).

Также в приложении даны отрывки из „Путешествия" Гмелина, содержание описания: 1) Камлания бурят-монгольской шаманки в Верхней Борзе, в Забайкалье (приложение № 2). 2) Тайлагана у кудинских бурят (приложение № 3), а также запись одной бурятской песни, сделанную Гмелиным, с указанием ее мелодии (нотами). (Приложение № 4).

Анализ тенденциозных и поэтому искажающих действительность сообщений Гмелина дается в заключительной главе настоящей работы.

ГЛАВА II

Паллас.—Георги.—Сиверс.—Лаксман

Паллас Петр-Симон (1741—1811), знаменитый ученый-натуралист, академик, был приглашен в Россию из Берлина в 1769 году и отправлен Российской Академией Наук для исследования восточной части России, в частности Сибири, во главе большой экспедиции, в которой кроме него приняли участие ряд академиков (Георги, Фальк, Лепехин и др.). По Бурят-Монголии Паллас путешествовал в 1772 году. Описание путешествия Палласа было издано в Петербурге в 1773—1778 гг. в 3 частях на немецком языке под заглавием „Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs (в 3-х частях, каждая из двух книг) [1]. („Путешествие по различным провинциям Российского государства"). Сочинение это в 1773—88 годах было издано и на русском языке. В своем „Путешествии" Паллас не только дает описание естественных условий тех областей, которые он посетил, но сообщает также много сведений о хозяйстве и быте туземных народов. Кроме того, на основании материалов, собранных им во время путешествия, Паллас написал и издал в Петербурге в 2-х томах на немецком языке „Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolische Völkerschaften". („Собрание исторических сведений о монгольских народах"), 2-й том этого сочинения посвящен специально ламаизму. На русский язык это сочинение не было переведено. Дополнением к материалам, изложенным в двух названных сочинениях, является семитомное собрание статей, изданных Палласом в 1788—1796 гг. под заглавием Neue nordische Beiträge". („Новые северные очерки").

Георги Иоган-Готлиб (1729 – 1802), академик Российской Академии Наук, работал по геогнозии, ботанике и этнографии. Участвовал в академической экспедиции, возглавлявшейся Палласом. По поручению последнего совершил (в 1772 году) путешествие вокруг озера Байкал, кроме южной его части, и снял

[1] Сведения о Бурят-Монголии сгруппированы в 3-ой части (книга 1-ая) этого сочинения.

карту озера. Результаты своих наблюдений он изложил в сочинении „Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich" („Заметки о путешествии по Российскому государству"), 1775.

Георги принадлежит также обширный труд „Описание народов, обитающих в Российском государстве". Издан на русском языке в Петербурге в 1776—1799 гг. В „Описании" Георги не только использовал свои наблюдения, произведенные во время путешествия, но и сгруппировал сведения предшествовавших ему путешественников и исследователей. К этой книге Георги приложено 100 рисунков, изображающих племенные типы различных народов России, в том числе и бурят-монголов.

Сиверс Иоганн. Ученый аптекарь. Участвовал в экспедиции, которая была послана правительством Екатерины II в Сибирь с целью распространения и улучшения сибирского ревеня (лекарственное растение). Письма Сиверса, написанные им во время сибирского путешествия, изданы в 1796 г. в Петербурге на немецком языке под заглавием „Briefe aus Sibirien" („Письма из Сибири").

Лаксман Эрик (1737—1796 г.), по национальности финляндский швед, ученый-натуралист. Был учителем в Петербурге, затем немецким пастором (лютеранским священником) в г. Барнауле (Западная Сибирь). Впоследствии был приглашен на работу в Академию Наук и много работал по исследованию Сибири. В 1766 году Лаксман проехал по Бурят-Монголии, посетил районы Байкала, Селенги, Чикоя и Джиды. Между прочим Лаксманом было написано особое сочинение, посвященное описанию быта бурят, но это сочинение утрачено. Письма Лаксмана из Сибири изданы в 1769 году в Германии на немецком языке. Наиболее существенная часть этих писем приведена в книге Лагуса „Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка". Сиб. 1890.

В последующем изложении содержится обзор сведений, сообщаемых перечисленными путешественниками.

У некоторых из путешественников, сообщения которых рассматриваются в настоящей главе, сведениям о хозяйственном быте бурят предпосланы замечания, относящиеся к древней истории бурят-монголов.

Так, Паллас в начале I-го тома „Sammlungen" считает вероятным тождество хуннов (гуннов), вторгшихся в V-м веке н. э. в Западную Европу,—с монголами, с их союзниками бурятами и, может быть, и с эвенками (Samml. I.6). В более поздний период—в эпоху монгольской империи Чингисхана и его приемников—буряты, по мнению Палласа, „нашли себе убежище в диких гористых местах, расположенных к северу от Байкала, где большая часть их живет и в настоящее время, и если им не суждено было избежать встречи с победоносным

оружием Чингисхана, то впоследствии, когда монгольская монархия водворилась в Китае, и кочевавшие в отдаленных местах монгольские племена начали расходиться (в разные стороны), то и буряты, вероятно, почувствовали себя свободнее" (там же, с. 13). Характеризуя далее бурят XVIII века, Паллас указывает, что „буряты, являясь народностью еще некультурною (rohe), которая только в этом (XVIII) столетии, одновременно с распространением среди нее ламаизма, начала усваивать письменность,— не имеют никаких письменных документов о своем прошлом и сохранили о нем только неясные и разрозненные преданья. У монголов есть достаточное число исторических книг, но во время моего кратковременного пребывания в Селенгинском округе я не мог достать ни одной из таких книг" (Samml. 1.15)[1].

Из приведенных выше сообщений Палласа известную актуальность для исторического изучения Бурят-Монголии приобретает его указание на тождество хуннов с бурят-монголами: известно, что археологические исследования, производившиеся за два последние десятилетия на территории Монголии и Бурятии, установили наличие там остатков городищ хуннов и их погребений[2].

Переходя к описанию быта бурят XVIII века, Паллас отмечает, что буряты в соответствии с границами, установленными Буринским договором России с Китаем (1728 г.), все живут в российском подданстве и составляют в Иркутском Наместничестве наиболее многочисленную языческую народность. Они разделяются на множество небольших родов. Существующие (XVIII в.) названия этих родов—не все старинные: некоторые из этих названий появились, повидимому, уже после русского завоевания". (Samml. I,13).

Приводимый ниже список бурят-монгольских родов второй половины XVIII века основан на сообщениях Палласа (Sammlungen, I., с. 8, 13—14 и Георги) Bemerkungen. II, 296—297, и Описание, ч. IV, с. 25,—по данным третьей „ревизии" (переписи) 1766 года.

В Иркутском уезде:

1) Буянов, в двух частях,—625 душ м. п. 2) Абаганат, также в 2-частях—667. 3) Ашехабат, в 3-х частях,—596, 4) Каракут, в 2-х частях,—800. 5) Бабай—89. 6) Чернорут—90. 7) Кур-

---

[1] Здесь Паллас имел в виду ту небольшую часть монголов, которая „при заключении пограничного договора перешла под власть русского правительства и обитает в южной части Селенгинского округа, Иркутского Наместничества Восточной Сибири—по реке Селенге, к югу от р. Хилка, и по рекам Темнику, Джиде и Чикою" (Sammlungen. I,8). Книги, о которых говорит Паллас—„Священные" книги ламаизма.

[2] Сосновский Г. П. „Нижне-Иволгинское-городище"—жур. „Проблемы истории докапиталистич. обществ", 1934 г., № 7—8; его же. „Дэрестуйский могильник"—там же, 1935 г. № 1—2.

кут—191. 8) Шешолон—65. 9) Читут—116. 10) Курумчин—743. Алгут—56. Всего в Иркутском уезде 4038 душ м. п.

В Верхоленском уезде и на острове Ольхоне:

1) Абазай, в 2-х частях,—1639 душ м. п.; из них, по сообщению Георги, 464 живут на острове Ольхоне и имеют одного главного шуленгу. 2) Чернорут, два рода,—1098. 3) Хонходор—681. 4) Баянтабин или Баяндаев—306. 5) Бура—801. 6) Олзон—415. 7) Тутур—193. 8) Очеул—347. 9) Кулен—224. Всего 5704 д. м. п.

В Балаганском уезде:

1) Олзоев—356 душ м. п. 2) Кульмет—396. 3) Шарант—79. 4) Быкот—200. 5) Нойет—103. 6) Зунгар—135. 7) Холтубай—289. 8) Муруй—370. 9) Ихинат—264 (по Палласу) и 269 (по Георги). 10) Онгой—242. 11) Онготой—80. 12) Боролдой—90. Всего 2604 д. м. п. (по Палласу), 2609 (по Георги).

В районе Тункинского острога:

1) Тиртей—число душ м. п.—370 (по Палласу) и 393 (по Георги). 2) Хонют—346. 3) Киркульт—224. 4) Хонходор—2319 (по сообщению Георги, этот род состоит под управлением 8-ми шуленг). 5) Шолот—176. 6) Бадархан—73. 7) Иркют—122. 8) Чичедар—33. 9) Шаранут—105. 10) Ценгенхин—195.

Кроме перечисленных родов у Георги указан еще род Заяктаев—206 д. м. п., и численность рода Тиртей показана в 393 души м. п.

Таким образом по району Тункинского острога насчитывалось бурят: по Палласу—3963, по Георги—4192[1].

В районе Идинского острога:

1) Готол (у Палласа и Георги ошибочно „Голот")—572 души м. п. 2) Нойет—179. 3) Барай—208. 4) Онгой—558. 5) Онготой—159. 6) Холтубай—258. 7) Янгут—161. 8) Ирхидей—168. 9) Шаралдай—220.

Всего 2483 души м. п.

Кроме того, различные роды бурят жили в Илимском уезде; они носили названия по местам их обитания—илимские, киренские и т. д.

Жившие в этом уезде буряты разделялись на 5 групп, в которых числилось всего 713 душ м. п. (Georgi. Bemerkungen. II, 296; Pallas. Samml. I.14).

Что касается бурят, живших в районе Нижнеудинского острога, то о них находим у Палласа следующее сообщение: „К Удинскому острогу причислены 16 небольших родов языче-

[1] В эту цифру не входит род Муруй (370), который проживал в Балаганском уезде (см. выше) и включен Георги в список родов Тункинского острога ошибочно.

ских народов. Во всех этих родах, взятых вместе, насчитывается 553 податных души м. п. Некоторые из этих родов татарского происхождения, но большая часть—бурятского, причем эти буряты имеют князца, под ведомством которого находятся и прочие (т. е. небурятские—В. Г.) роды". (Reise, III, 304). Паллас посетил этого бурятского князца (Худунова), чтобы посмотреть разрабатывавшиеся им слюдяные ломки (см. ниже). Из указанного числа душ на долю бурят можно отнести $^2/_3$, то-есть приблизительно 370 душ м. п.

Переходя к описанию забайкальских бурят, Паллас указывает, что по реке Уде и в Нерчинском округе живут 11 родов бурят-хоринцев, которые имеют наследственного князя (Erbfürsten). Эти хоринские роды, замечает Паллас, очень богаты и многолюдны. Названия этих родов и их численность (по 3-й ревизии, 1766 г.) следующие[1]:

1) Харганат (у Палласа и Георги ошибочно—Каракут)—2090 душ м. п. 2) Галзот (у тех же авторов—Гамет)—1003. 3) Бодонгут (Батангул)—641. 4) Кубдут—1556. 5) Хоацай—1572. 6) Батанай—534. 7) Шарант—836. 8) Хадай—1108. 9) Цаган—535. 10) Хальбин—506. 11) Гучит—653. Всего 11033 д. м. п.

В населении Селенгинского округа и Паллас и Георги различают, кроме русских колонистов,—бурятские и монгольские роды по отдельности. В своем описании Георги посвящает описанию селенгинских монголов особый раздел.

Бурятские роды, жившие в Селенгинском округе, были следующие:

1) Харанут—987 душ м. п. 2) Чернорут—249. 3) Олзон—193. 4) Бабай-Хурумчи—185. 5) Бумал-Готол (у Палласа—Бомол и Тутулур)—235. 6) Алагуй—172.

Всего 2021 д. м. п.

В том же округе жили монгольские роды:

1) Цонгол—1484 души м. п.[2] 2) Ашехабат—832. 3) Табунгут, 3 рода,—865. 4) Сартол—813. 5) Атаган—1172. 6) Хатаган—315. 7) Подгородный—232. 8) Узон—34.

Всего монголов в Селенгинском округе было тогда 5713 душ м. п., а бурят и монголов вместе—7734.

В списках бурятских родов, приведенных у Палласа, нет упоминаний о баргузинских бурятах, и только Георги в своем описании Баргузинского края, относящемся к 1772 году, сообщает, что в составе населения этого района было 73 бурята м. п. (Bem. II. 129). Следует поэтому предполагать, что эти буряты перекочевали на Баргузин уже после 1766 года.

На основании вышеприведенных цифр численность бурят в 1766 году выражалась в следующих цифрах:

---

[1] Этот список приводится также и у Георги (Bemerk, II. 297).

[2] Георги в „Описании" определяет численность Цонгольского рода в 955 душ м. п. (с. 40).

I. Западная Бурятия

В Иркутском районе	4.038	душ	м. п.
Верхоленском	5.704	„	„
Балаганском	2.694	„	„
Тункинском	4.192	„	„
Идинском	2.483	„	„
Илимском	713	„	„
Нижнеудинском	370	„	„

Итого в Западной Бурятии—20.104 д. м. п.

II. Восточная Бурятия

Хоринских бурят	11.033	душ	м. п.
Селенгинских бурят и монголов	7.734	душ	м. п.

Итого в Восточной Бурятии	18.767	д.	м. п.
Всего бурят	38.871	д.	м. п.

При этом исчислении приняты по Тункинскому району цифры, приведенные у Георги: по Нижнеудинскому—из общей цифры численность бурятских и небурятских родов сообщаемой Палласом—553 души м. п.—принято для бурят $^2/_3$, т. е. приблизительно 370 душ. Для Цонгольского рода селенгинских монголов взята цифра Палласа—1484 души м. п. Паллас определяет общую численность бурят западных и восточных (без монголов) в 32 тысячи д. м. п. Предположение Георги о том, что при ревизиях (переписях) „по нерадению" показывалась в списках только одна треть населения (Описание, с. 26), должно быть отвергнуто: „утечки" при исчислении действительно были, но не в таких огромных размерах, как думает Георги: военно-феодальное государство было слишком заинтересовано в том, чтобы включить в податные списки возможно большее число „ясачноплательщиков", и принимало драконовские меры по отношению к тем выполнителям „ревизий", которые были заподозрены в утайке числа ревизских душ.

Для рассматриваемой в настоящей главе группы путешественников характерно, что район Селенги, находящийся на территории русского Забайкалья, рассматривался ею как русская часть Монголии. Георги посвящает описанию селенгинских „монголов" особую главу. Сиверс в письме, которое он послал из Верхнеудинска (1790 г.), сообщает, что он находится „в русской Монголии" и что в окрестностях Верхнеудинска по р. Иволге расположены „монгольские жилища" (Briefe, 10,17).

Уже Гмелин сообщал о том, что поселения бурят находились в непосредственной близости от городских поселений (см. выше). Спустя 40 лет (1772 г.), Георги констатировал наличие в Иркутске небольшого бурятского предместья (Вет. II. 21).

Таким образом процесс совершенного оттеснения бурят русскими колонизаторами от городов в 70-х годах XVIII века не был еще доведен до конца: его завершение следует отнести к началу XIX века.

Переходя к обзору сообщений путешественников о хозяйстве бурят-монголов второй половины XVIII века, следует отметить обстоятельность относящихся сюда сообщений у Палласа и Георги.

В этом хозяйстве скотоводство продолжало сохранять свое доминирующее значение. „Скотоводство у бурят-монголов,— пишет Паллас,—все еще является самым значительным и наиболее обычным видом хозяйства. Это скотоводство должно было приспособиться к горному характеру страны и к ее климату. Так как в Бурят-Монголии бывает продолжительная и суровая зима, то стада зимой кое-как перебиваются. Несмотря на это, бурят-монголы оставляют стада на произвол природы и не беспокоятся о том, чтобы заготовить запас сена для зимы. Только для ягнят сберегается незначительное количество корма". (Samml. I. 176).

Подчеркивая результаты экстенсивного характера бурятского скотоводства, Паллас сообщает сведения о составных частях стада у бурят-монголов. „Бурятские лошади—малосильны,—пишет он,—малы ростом и плохи. Весной они имеют вид еще более жалкий и истощенный, чем верблюды" (Samml. I.178). Аналогичные общие сведения о бурятском скотоводстве сообщает и Георги, но он дает некоторые дополнения к данным Палласа. Так, по сообщению Георги, часть бурят уже приступила к сенокошению. „Они (буряты) накашивают немного сена для поддержания скота своего в зимнее время. Весной скот оправляется и становится бодр и тучен". (Описание, 29).

Коневодство является, по свидетельству Георги, главной отраслью животноводческого хозяйства бурят и пользуется большою любовью с их стороны. Буряты не ограничивают количество лошадей и, если бы это было возможно, увеличивали бы их число до бесконечности. Они получают от лошадей пользы не менее, чем от овец: лошадиное мясо—величайшее лакомство для бурята; кобылье молоко является напитком, дает водку и сыр; шкура дает одежду и мехи (для хранения жидкостей); из костей делают стрелы, навоз дает отопление, волос из хвоста и гривы—материал для веревок.

Рогатого скота буряты имеют в большинстве случаев меньше, чем лошадей. Он дает необыкновенно мало молока, а молоко дает очень мало масла. (Bem. II, 306). Быки обычно употребляются не только для перевозки юрт и домашней утвари при перекочевках, но и для езды верхом на них, главным образом, ездят женщины и дети, которые пасут стада (Samml. I. 178).

Условия для овцеводства были различны для западного и восточного Забайкалья: в долине Селенги, в местностях, расположенных к западу от Яблонового хребта, где снегопад бывает

довольно силен, а солонцеватых почв не так много, овцы мелки по своей величине, лишь немногим превосходят русскую овцу и имеют маленькие курдюки. Напротив, на прекрасных степях Даурии между реками Ононом и Аргунью, где много солончаков, а снега выпадает так мало, что пастбища остаются открытыми в течение всей зимы, разводятся такие овцы, которые превосходят самых больших киргизских овец и могут считаться крупнейшей породой овец" (Pallas, Samml. I. 179).

Верблюдов разводят только даурские (забайкальские) буряты. Для защиты верблюдов от зимних морозов их обшивают на зиму войлоками. (Георги, Описание, 28).

Овечью шерсть буряты употребляют преимущественно для изготовления войлоков; баранина—их ежедневная пища[1], а овчинная шуба—обычная одежда. Овечье молоко буряты примешивают к кобыльему и верблюжьему молоку и в таком виде пьют или гонят из этой смеси молочную водку. (Георги, Bem. II. 307).

Подножное содержание скота в течение круглого года и вообще экстенсивный характер бурятского скотоводства имели своим последствием, особенно в случае гололедиц или затянувшейся зимы, массовый падеж скота, истребление его хищными зверями и различного рода эпизоотиями.

Скотоводство у бурят во второй половине XVIII века продолжало сохранять кочевой характер. По сообщению Георги, каждый род[2] имеет свой определенный район кочевок. Буряты, живущие к западу от Байкала, перекочевывают только с зимников на летники[3] и обратно; забайкальские (даурские) большею частью перекочевывают с места на место каждый месяц. Бурятские стойбища обычно расположены разбросанно по рекам и речкам. Если место не нравится, то буряты разбирают юрты и раскидывают их на новом месте. (Bemerk. II. 298, 300). Селенгинские бурят-монголы зимников не имеют (Описание, с. 41).

Сокращение амплитуды кочевок, отмеченное у бурят Избрантом еще в конце XVII века, продолжалось и в XVIII веке. По словам Палласа—„Буряты, живущие в районах Иркутском, Балаганском и Верхоленском и на острове Ольхоне, хотя и не меняют еще, вследствие неблагоприятных естественных условий, скотоводства и охоты на земледелие,—в значительной их части уже привыкли к более оседлому образу жизни. Зимники—прочные жилища, которые они покидают летом, уходя со скотом на летники—места, изобилующие травою. Эти зимники расположены в более теплых местах, защищенных от холодов горами и лесами. Там буряты строят жилища русского типа из горизонтально положенных бревен. (Pallas, Samml. I.175—176).

---

[1] Разумеется, это указание относится только к состоятельным хозяйствам, беднота часто питалась кореньями, дикорастущим луком и сарапой. В. Г.

[2] Под названием рода объединялись не только родственники по крови, но и юртовладельцы, жившие с первыми в одном урочище.

[3] „Зимники" и „летники"—зимние и летние жилища бурят при их перекочевках.

Кроме скотоводства, буряты продолжали заниматься их прежним промыслом—охотой. Сведения об охотничьем промысле бурят у Георги и у других, современных им путешественников, за исключением Палласа, являются сравнительно скудными. Так, Георги ограничивает свое сообщение об охоте 4—5 строками: „звериный промысел у бурят,—пишет он,—в общем употреблении и весьма прибылен, но по лености своей производят оный гораздо меньше, нежели тунгусы. Рыбною ловлею занимаются только в крайней нужде". (Описание, с. 29). Это объяснение хозяйственных явлений леностью будет разобрано, в связи с общим отношением путешественников к сибирским туземцам, в заключительной главе настоящего очерка.

Более подробные сведения дает Георги об охоте селенгинских бурят-монголов. „Промысел в гористых местах (Селенгинского района), в которые часто перебегают звери из соседственных обширных китайских пустынь, довольно прибыточен, ибо попадаются рыси, куницы, росомахи, лисицы, горные или каменные кошки (манулы), выдры, медведи, соболи, белки и другие, коих кожи употребляются для мехов,—также олени, лоси, дикие козы, горные бараны или дикие овцы (аргали), дикие ослы и др." В Селенгинском районе, по свидетельству Георги, продолжала практиковаться и облавная охота. „Монголы (жившие в Селенгинском районе) часто выезжают на охоту толпою, под предводительством своих вельмож или избранных начальников и препровождают на оной по нескольку сряду дней. Вооруженные всадники, коих бывает иногда до двухсот, окруженные домашними своими собаками, гонят зверей на искуснейших стрелков" (Описание, с. 42).

Особо следует отметить, имеющееся в „Путешествии" Палласа описание облавной охоты бурят восточного Забайкалья, которую он имел случай видеть во время своего пребывания в окрестностях г. Акши. (Reise, III, 204—205). Это описание дается в Приложении № 5.

Преобладающее значение скотоводства у бурят особенно ярко проявлялось у хоринских бурят Забайкалья. „Хоринцы зажиточнее всех бурятских племен, имеют весьма значительные табуны лошадей и стада рогатого скота и овец, однако, верблюдов и коз не так много". „Хоринцы содержат себя почти одним скотоводством". (Георги. Описание, с.с. 27,32).

Однако, при ведущей роли скотоводства в экономике бурят, с первой половины XVIII века у западных бурят стало мало-помалу развиваться, или точнее, восстанавливаться земледелие. Дело в том, что еще до русского завоевания буряты частично занимались земледелием, производя посевы главным образом проса. Начиная с периода завоевания, это земледелие было заброшено, так как царская колониальная администрация обложила бурятские пашни „непомерными оброками"[1]. С первой четверти

[1] Сборник рус. историч. об-ва, т. 130-й, с. 354.

XVIII века—в связи с некоторым уменьшением этих оброков и с общим развитием экономики края (увеличение городского населения, зарождение промышленности и т. п.), наряду с русским земледелием в Западной Бурятии начало развиваться также и земледелие бурят. Это возобновление бурятского земледелия отметил в 30-х годах XVIII века Гмелин (см. выше, с. 34—35). Георги в своем „Описании" сообщает, что многие из западных бурят „по причине разных препятствий в скотоводстве от суровости климата и местоположений совокупили оное с земледелием, но в том и другом мало преуспевают" (с. 29).

Исходя из совершенно неправильного взгляда, что буряты „совсем несклонны к земледелию и к кочевой жизни столь страстны, что отстать от оной не могут", Георги считает эти якобы „природные склонности" бурят причиной слабого развития у них земледелия. Буряты, по сообщению Георги, „весьма мало пашут, и не больше как от 4-х до 5-ти десятин, считая каждую в 60 сажен длины и в 40 ширины; пашни же засевают,—не заборонивая,—рожью, пшеницею и овсом, но огородных растений, табаку и конопель и проч. никогда не сеют". (Описание, с. 29). В своих „Bemerkungen" Георги дополняет эти сведения, указывая те местности, где буряты занимались земледелием—около Иркутска и по Ангаре, вниз по течению этой реки. „Приблизительно каждый третий или четвертый хозяин сеет пуда по два ржи, яровой пшеницы и овса. Некоторые обрабатывают до 5-ти десятин. Земледельческие орудия бурят и технические приемы при земледелии так же, как у русских, но только орудия они называют по-своему" (Bemerk. 307).

Нельзя не отметить, что это сообщение Георги о развитии земледелия у бурят находится в противоречии с вышеприведенными данными Палласа о том, что иркутские, балаганские, верхоленские и ольхонские буряты „не меняют еще скотоводства и охоты на земледелие" (см. выше). Дошедшие до нас архивные материалы свидетельствуют о том, что в этом вопросе прав был Георги.

Наряду с начавшимся земледелием у бурят продолжало еще сохраняться, в виде пережитка древней эпохи, так называемое „собирательство". „Буряты, живущие к западу от Байкала,—пишет Георги,—не будучи богаты скотом, должны более, нежели живущие к востоку, пособлять нуждам своим звероловством, частью дикорастущими кореньями простой и сибирской овсяники, белой сараны (перечисляются виды и других растений". В. Г). (Описание, с. 32). В другом месте Георги отмечает, что „у бурят бедные люди питаются, как и тунгусы, рыбою и кореньями. Каменный лук (allium althaicum Pall.) для всех—величайшее лакомство" (Bemerkungen. II. 303).

Скотоводство и земледелие у бурят было соединено с домашней промышленностью и ремеслами. Домашняя промышленность заключалась в переработке продуктов скотоводства. Глав-

ная роль в домашней промышленности принадлежала женщинам. „Женщины, кроме домашних работ,—пишет Георги,—занимаются выделкой всяких кож, шитьем одежды, шуб, а некоторые прядут на веретенах шерсть, из которой вяжут рукавицы. Одним из главных занятий женщин является изготовление войлоков. Войлоки получаются красивые; иногда их украшают орнаментом из окрашенной шерсти. Одежду шьют или нитками или жилами животных. Однако, по свидетельству Георги, бурятские женщины не умеют ткать и окрашивать ткани. (Bemerk. II, 309). Путешественники сообщают также о технических приемах, применявшихся бурятскими женщинами при выделке кож. Сначала кожи вымачиваются в кислом молоке; затем их коптят над куревом, разведенным из навоза и еловых шишек или под крышей в юрте над очагом, после чего натирают мозгом и печенкой (Pallas. Samml. I. 182; Георги. Описание, с. 30; Bemerk., 309).

Способ изготовления бурятами войлоков, по Палласу, заключался в следующем: смоченная водой шерсть вместе с войлоком, на котором она была разложена, туго накатывается на круглый гладкий шест; получившийся таким образом валек зашивается в сырую кожу, так что наружу остаются только концы шеста. Потом посредством двух веревок, которые привязываются к двум концам шеста, припрягается бык; валек прокатывается им по ровному, поросшему травой месту до тех пор, пока войлок не сваляется. Считается, что для приготовления войлока достаточен прокат на расстоянии, равном 12—15 выстрелам из лука. (Samml., I. 182—183).

Об одном из видов продукции бурятского кожевенного производства упоминает в своих письмах Сиверс. Это так называемый „брацкий кордуан“ — выделанная козлиная кожа, вроде сафьяна, окрашенная преимущественно в зеленый цвет. (Briefe, 17).

Мужчины в области домашней промышленности занимались изготовлением домашней утвари, конской сбруи, ловушек для зверя и т. п.

К промыслам, существующим у бурят в XVIII веке, следует отнести добывание в горько-соленых озерах, расположенных на территории Бурятии, „гуджира“—горькой соли, употребляемой бурятами для приправы к кирпичному чаю. Так, буряты, живущие вблизи Таргиранских озер (бассейн р. Анги), занимаются, по сообщению Георги, собиранием отложившихся по берегам этих озер чистых кристаллов гуджира и сушат их на растянутых войлоках. Некоторые из юртовладельцев собирают гуджира до 5-ти пудов (Bemerk., II. 46).

В районе обитания нижнеудинских бурят Паллас посетил слюдяные копи, расположенные в высоких горах между реками Бирюсой и Удой. Месторождения слюды открыты были здесь бурятским князцом Худуновым, который и получил от русского

правительства право на их разработку под условием внесения в казну десятой части добычи. Князец Худунов жил в улусе вместе со своими многочисленными родственниками. (Pallas. Reise. III, 95—96). Можно предполагать, что эти родовичи работали в качестве горнорабочих при разработке слюды.

Что касается добывания и плавки металлов, то этот промысел существовал у бурят до русского завоевания; во второй половине XVIII века он производился лишь одиночками-кузнецами. По Георги, бурятские кузнецы „плавят с в о е железо в небольших горнах... прочие же покупают оное у русских". (Описание, 29).

Следует отметить, что бурятские тайши в целях получения наград от русского правительства доставляли ему сведения о известных среди бурят месторождениях серебра и других металлов. Так, хоринский тайша Эринцэ в 1758 году сообщил русской администрации о наличии серебряной руды на горе Майла по р. Кудуну, после чего там были поставлены на так называемом Мангутском руднике казенные работы по разработке руды (Pallas. Reise. III,179). Еще раньше, в конце XVII века (1698 г.) бурят Aranschi Damanja „с товарищи" представили нерчинскому воеводе богатые штуфы серебряной руды, открытой ими на Троицкой горе (бассейн р. Аргуни). Вскоре там начаты были работы. (Georgi. Bemerkungen, II. 418).

Плотничное ремесло у бурят, которое получило широкое развитие в первой половине XIX века,—в XVIII веке, повидимому, было лишь в зародыше и практиковалось только внутри каждого хозяйства. Это видно из сообщения Палласа о том, что здания Цонгольского дацана были построены русскими плотниками. (Reise. III, 108).

Из других ремесл все путешественники отмечают наличие у бурят кузнечного ремесла и в особенности одной его отрасли—инкрустации по железу и стали серебром и оловом. Значение этой отрасли ремесла в хозяйстве бурят отметил уже Гмелин (см. выше). „Кроме кузнецов у бурят нет ни художников, ни ремесленников, зато кузнецы их очень искусны",—пишет Георги. (Bemerk., II. 388). Под кузнецами он разумеет здесь мастеров инкрустации.

Паллас, Георги и другие путешественники дают дополнительные сведения к сообщениям Гмелина о „брацкой работе", как они обычно называют изделия бурятских мастеров.

Эти изделия с серебряной насечкой, по словам Георги, славны по всей России под именем „брацкой работы". Они (бурятские мастера) разбивают самое чистое или так называемое ханское серебро в весьма тонкие листки и по сделанным из бересты образцам вырезывают из оных птиц, зверей, цветы и другие изображения. Для наложения насечек на железные части седел, колчанов, огнив и др. предметов эти части раскаливаются на горнах, а затем на них насекаются серебряные вырезки—

особым молотком с шероховатою бородкою, причем серебро как бы „сваривается“ с железом настолько крепко, что никогда не отваливается. Затем произведенная сварка подвергается воронению через огонь и полируется гашеным углем“. (Георги. Описание, 29, Bemerk. II, 308).

На основании сведений путешественников можно сделать тот вывод, что при изготовлении указанных изделий ремесло переплеталось с художественной деятельностью. Вещь ремесленного производства являлась в то же время предметом искусства.

О том, что в хозяйственной деятельности бурят кузнечное ремесло во всех его отраслях занимало одно из первых мест, свидетельствует наличие среди бурят в прошлом особого „культа кузнецов“[1].

Таким образом на фоне преобладающей отрасли бурятского хозяйства — скотоводства происходило выделение земледелия и ремесл, развивался процесс общественного разделения труда, что имело своим результатом углубление имущественного неравенства между отдельными хозяйствами, а это последнее являлось могучим фактором социального расслоения.

При обладании скотоводства у бурят мерилом благосостояния отдельных хозяйств являлось, естественно, количество скота. Накопление сколько-нибудь значительного числа голов скота в том или ином хозяйстве давало возможность этому хозяйству эксплоатировать другие хозяйства, имевшие мало скота или совсем его не имевшие.

Минимум скотовладения, дававший основу для такой эксплоатации, колебался в зависимости от экономического положения того или иного района Бурятии. У западных бурят домохозяин, имеющий 100 голов, является, по свидетельству Георги, зажиточным, а у кого до 500 голов—тот весьма богат, но таких среди западных бурят—мало. Зато у забайкальских бурят некоторые имеют до 1.000 верблюдов, 4.000 лошадей, от 2 до 3 тысяч голов рогатого скота и по нескольку сот коз. Такие богачи не знают сами точного числа своего скота (Описание, 28; Bemerk. II. 309).

Георги указывает между прочим ту норму скотовладения, которую можно считать характерной для бурят-средняков той эпохи. „Они (буряты) умеют так использовать скот,—пишет

---

[1] Еще в период общественных охот („зэгэтэ-аба“) бурят-монгольские кузнецы делали украшения из золота и серебра (браслеты, серьги, кольца и др. украшения). Кузнецы у бурят, как и у других народов, занимали в обществе особое положение—они считались знахарями и мудрецами. У бурятских кузнецов имелись свои гении-покровители, изображения которых образуют особый цикл иконографических изделий, называемых „кузнечными онгонами“ (Клеменц и Хангалов. Общественные охоты у северных бурят. Материалы по этнографии России. т. 1. Спб. 1910, с. 142). Сказания, связанные с культом кузнецов у бурят, см. Потанин. Эрке. Культ сына неба“. Томск, 1916 г., с. 25—Бурятское кузнечно-ювелирное ремесло XVIII—XIX веков являлось, повидимому, остатком того обширного металлургического производства, расцвет которого на территории Монголии относится к 1-тысячелетию нашей эры.

Георги,—что семья, имеющая 20 голов всякого скота, может иметь пропитание, а имеющая 50 голов—жить довольно зажиточно" (Bemerk, 307).

Кроме большого количества скота, бурятские богатеи имели и значительные денежные капиталы, составившиеся в результате торговой деятельности их владельцев. Георги указывает, что у многих забайкальских бурят помимо многочисленных стад имеется еще „на несколько тысяч рублей китайской монеты или клейменого китайского серебра, которое они приобрели еще тогда, когда не было запрещения продажи скота китайцам". (Описание, 28). (Bemerk. II. 309).

При проезде через Баргузинский край Георги, отмечая свою остановку у одного местного бурята, пишет: „Мой хозяин был капиталистом (war ein Kapitalist). Его табуны состояли из 500 лошадей, такого же количества овец, 300 голов рогатого скота. Кроме того, у него было некоторое количество верблюдов и коз. Его соседи считали, что он имеет еще более 4.000 рублей чистыми деньгами и китайским серебром, полученным за продажу скота китайцам. Весь улус состоял из его летников". (Bemerk. II, 124).

Таким образом выделению и укреплению богатой верхушки у бурят в значительной мере способствовала торговля. Обмен между бурятами и соседними с ними монголами и эвенками существовал задолго до русского завоевания. После завоевания завязался обмен с русскими, но зато в связи с установлением русско-китайской границы значительно сократилась торговля с китайцами и заграничными монголами.

На основании сведений, сообщаемых путешественниками, можно составить список тех товаров, которые отпускало и получало взамен бурятское хозяйство: буряты продавали, кроме скота и продуктов скотоводства, различные изделия „брацкой работы"; отдельные бурятские общины снабжали другие гуджиром и стрелами. Буряты покупали у русских железо и разные металлические изделия, а также разного рода мануфактуру, у китайцев—кирпичный чай, китайские материи, табак и предметы ламайского культа.

Различия в размерах скотовладения и зажиточности вообще имели своим результатом резкую разницу в устройстве жилищ, в одежде, в питании у богачей с одной стороны и у бедноты—с другой. Так, богатые жили зимой в деревянных юртах, а летом перекочевывали на летники, где жили в войлочных юртах. Бедняки, особенно у западных бурят, войлочных юрт уже не имели, жили круглый год без перекочевок, в одних деревянных юртах. Один уже внешний вид юрт указывал на степень состоятельности их владельцев. Белые войлоки на юртах, по словам Георги, „означают знатных и богатых жителей". Края войлоков таких юрт украшены красивыми волосяными снурками и особой полосой в нижней части юрты—подзором. Богатые имеют

отдельные юрты для проживания их семейств и для „хозяйственных дел“ (в них жили разного рода работники), а также для религиозного культа. Бедные делают себе хижины из плетня и обмазывают их коровьим калом. (Георги. Описание, 30).

У богатых забайкальских бурят в юртах много фарфоровой, а нередко и серебряной посуды, верховая сбруя, колчаны для стрел украшены железным набором с насечками из серебра и золота—работы бурятских мастеров. (Там же, с. 31. Bemerk. II. 300). Почетные и богатые люди носят одежду восточного покроя, сшитую из цветного сукна, шелка и полотна, подбитую хорошим мехом (Bemerk, II. 301), тогда как бедняки делают себе халаты из овчин, а нередко из кожи лошади или диких зверей (Описание, 31).

В отличие от богатых, питавшихся мясом и молочными продуктами и кирпичным чаем, бурятской бедноте часто приходилось ограничивать свое питание съедобными клубнями различных растений. Паллас указывает, что бедные буряты, не имевшие возможность покупать чай, заменяли его дикорастущими по горам травами, в частности — баданом. (Pallas. Sammlungen. I, 181).

Так как бурят мог жениться лишь при условии уплаты им калыма за невесту, то, по наблюдению Георги, старики-богачи у бурят имеют много жен, а много молодых бедняков не имеют ни одной“. (Bemerk. II, 503).

При наличии имущественного неравенства бедные хозяйства неизбежно подвергались эксплоатации и кабале со стороны богачей, причем в большинстве случаев эта эксплоатация прикрывалась формами „родственной помощи“.

„Богатые наделяют оскудевшие семейства скотом раза по два и по три,—пишет Георги,—но если бедняк, получивши скот, не поправит своего положения, то он должен работать в хозяйстве давшего ему скот богатого человека, который за это кормит, одевает бедняка и его семейство так же хорошо, как собственную свою семью“. (Bemerk, II. 311). В действительности, в данном случае положение бедняка и богатого хозяина, на которого он работал, было, конечно, далеко неодинаковым, и только что приведенное замечание Георги следует отнести на счет обычной у путешественников тенденции представить положение сибирских туземцев в более благоприятном виде, чем это было на самом деле. Эта тенденциозность сообщений путешественника рассмотрена ниже, в главе IV.

270250

Большинство богачей, о которых шла речь выше, принадлежало к нойонству—бурятской знати, и занимало высокие должности в „степном управлении“. Георги сообщает, что стоящие во главе бурятского управления тайши и зайсаны избираются бурятами „из своего дворянства“. Эти „главные начальники“ являлись блюстителями законов, решали судебные дела,

Иркутская областная
БИБЛИОТЕКА
Единый каталог

возникавшие между подчиненными им родовичами, производили раскладки и сбор податей. (Описание, с. 25).

Особенным влиянием и богатством выделялись в то время хоринские тайши. Паллас отмечает, что буряты 11 хоринских родов „имеют наследственного князя" („Erbfürsten" — Samml. I, 14). Наследственная передача должности главного хоринского тайши имела своим результатом образование у хоринцев тайшинской „династии". То же имело место у селенгинских бурят, а также и в западной бурятии (Аларское и др. ведомства). Однако Паллас указывает, что в этом порядке наследования уже в половине XVIII в. была сделана брешь: „недавно были случаи,— пишет он,—когда должность тайши получали богатые люди, помимо наличных детей предыдущего тайши". (Sammlungen. I. 231).

„Большая часть родов возглавляется зайсанами,—пишет далее Паллас;—назначение зайсанов так же, как и утверждение различных степеней духовенства (ламайского), зависит всецело от русских администраторов". Следующими за зайсанами должностями были должности „шуленги", и их помощников—„засулов" и „дамалов". Эти должностные лица кроме управления разбирали в своих родах также мелкие судебные дела. Паллас отмечает при этом, что „каждый подвластный им (должностным лицам) человек может апеллировать к русским властям, если только он имеет для этого достаточно средств". (Sammlungen. I. 232). Следовательно, апелляция в русские административные учреждения была возможна только для богатых людей, имевших достаточно средств на взятки русским администраторам и судьям, не говоря уже о том, что всякому, кто осмеливался обращаться с жалобой на нойонов, угрожало жестокое возмездие со стороны тайшей и зайсанов.

Сообщения Палласа также вполне опровергают мнение Георги о том, что тайши и зайсаны якобы „не имеют никаких доходов". Паллас раскрывает один из методов, посредством которого нойонство, помимо своих административных и судебных полномочий, держало в повиновении себе подведомственные им широкие массы, а с другой стороны—усиленно обогащалось. „Эти начальники (тайши-зайсаны и др.),—пишет Паллас,—уплачивают подати (ясак) за целый род деньгами из своих средств, а потом, особенно в сезон охоты, взыскивают с каждого из подчиненных причитающуюся с него долю ясака, взимая при этом огромные ростовщические проценты, благодаря чему держат подчиненных в зависимости от себя" (Sammlungen. I. 232).

По вопросу об уплате ясака среди академических путешественников есть разноречия. По сообщению Палласа, буряты платили ясак пушниной (Reise. III, 177), тогда как Георги и сами буряты, в позднейших исторических документах, указывают, что они платили ясак деньгами („Описание", с. 40. Очерк истории бурят, изложенный в приговоре бурят Агинской степной думы 12/X-1893 г. Приложение № 107 к 5 выпуску „Ма-

териалов Куломз. Комиссии). Мнение Георги находит себе подтверждение в исторических материалах: пушные богатства на значительной части территории бурят-монголов очень уменьшились уже в конце XVII века (ср. выше стр. 20—сообщение Избранта).

Вопреки указаниям всех путешественников, что размеры подати (ясака), которую платили буряты, незначительны (Георги. Опис. 28)—ясачная подать была для бурятской массы очень тяжелой, особенно при незначительном еще развитии товарности бурятского хозяйства. Если бы размеры ясака, действительно, были незначительны, то не было бы тех огромных, переходящих из года в год ясачных недоимок, к выколачиванию которых местная царская администрация прилагала много усилий.

Мало внимания уделяют путешественники разнообразным натуральным повинностям, которые принуждена была выполнять бурятская масса для крепостнического военно-феодального государства и которые по своей тяжести превосходили во много раз ясачную подать.

Так, Паллас, упоминая о том, что на бурят возложена охрана границы, для чего часть их сформирована в казачьи полки, не выясняет, насколько тяжелой была эта чисто-феодальная по своему характеру натуральная повинность. Затем он отмечает отнесение бурятами так называемой „подводной повинности". „Все станции от Верхнеудинска до Читы (на расстоянии около 500 километров.—В. Г.), содержатся хоринскими бурятами", — пишет Паллас,—на каждой станции должны быть в готовности 50 лошадей и несколько верблюдов, как для перевозки чиновников, едущих по служебным делам, так и для транспортирования казенных грузов. Для этого хоринцы подряжают людей, которые уже за свой счет организуют дело или же бывает так, что буряты дают собственных лошадей и верблюдов и нанимают только ямщиков (Reise. III, 175). Как на одну из особенностей этой повинности можно указать то, что бурятам приходилось возить не только самих чиновников, но наряжать особую подводу для перевозки их... шпаги. „Кому надобны подводы, — пишет Георги,—тот посылает вперед свою шпагу, которую они (буряты) с великой поспешностью от одной перемены (станции—В. Г.) до другой везут и везде лошадей довольно заготовляют" (Описание, 34).

У путешественников рассматриваемой группы нет сведений о такой тяжелой натуральной повинности, как дорожная (проложение новых дорог и ремонтирование старых). Об этой повинности находим данные у некоторых путешественников XIX века (см. ниже).

Следует отметить, что те самые научные экспедиции, в которых принимали участие академические путешественники,

являлись сами по себе тяжелой натуральной повинностью для сибирского населения—как туземного, так и русского. В 1735 году Гмелин и Миллер, с их спутниками и багажом, ехали на 150 лошадях, которые должно было выставлять население. По приказанию тайшей и зайсанов буряты вынуждены были выгонять к местам проезда Палласа и его спутников целые табуны лошадей—для перемены упряжек в экипажах—и множество баранов для питания путешественников со свитой, а также привозили молоко и даже „арку",—молочную водку (Pallas. Reise. III, 244).

Для характеристики отношения населения к проезду путешественников можно привести рассказ Гмелина о том, как жители Верхнеудинска, услышав о предстоящем проезде через этот город путешественников, разбежались по окрестным лесам, уводя с собой лошадей (Gmelin, Reise. I. 423).

Социально-экономическое положение широких масс не привлекало к себе должного внимания со стороны некоторых путешественников[1]; зато у них находим сведения, характеризующие, хотя и далеко не полно, жизнь и быт бурятской знати—нойонства, с представителями которого путешественникам часто приходилось соприкасаться во время путешествия.

В предыдущей главе были приведены сообщения о встрече Гмелина и Миллера с селенгинским и хоринским тайшами. Паллас и Георги также посетили—каждый по отдельности—бурятских тайшей, причем Георги оставил о встрече с хоринским тайшей страницы в описаниях своего путешествия. Георги, проезжая через Хоринскую степь, заехал к главному хоринскому тайше—Дамбе-Дугару Ириндееву. Он был сыном того Эринцея, которого 35 лет тому назад посетил Гмелин и Миллер. Дамба-Дугар жил на правом берегу р. Оны в 10 верстах от впадения ее в р. Уду. Стоянка тайши состояла из 5 войлочных юрт. Юрты внутри были хорошо прибраны, но в их устройстве не было больших отличий от юрт простых бурят. Сам тайша, по словам Георги, мало чем отличался своей одеждой и образом жизни от рядовых подведомственных ему бурят. Но эта простота одежды и обстановки отнюдь не свидетельствовала о том, что тайша и его подчиненные стояли на одинаковом имущественном уровне. „Тайша владеет огромными стадами, а также имеет очень много денег,—пишет Георги.—Обе жены тайши были одеты очень богато".

Как об эпизоде своего посещения тайши Георги упоминает об одной своей неловкости, объясняющейся незнакомством с бытом бурят. „Мне подставили очень низенькую скамеечку, а так как я сидел в это время на высоком ящике, то и поставил на скамеечку ноги и этим создал в бурятах плохое мнение об

[1] Этот имеющийся у путешественников пробел отчасти заполнен в очерке истории бурят, помещенном в предисловии к настоящей работе.

европейской вежливости. Жена тайши, улыбаясь, взяла скамеечку, обтерла ее и поставила на нее жареную баранину, которой меня и угощали. Каких-либо других кушаний и хлеба не подавалось. Кирпичный чай, приготовленный с приправой горькой соли (гуджира) и очищенная молочная водка обильно наливались из серебряных и фарфоровых сосудов" (Bemerk, II. 326).

Главной побудительной причиной, заставившей Георги посетить тайшу, было желание посмотреть „языческое" (ламайское) богослужение, а так как Дамба-Дугар произвел на Георги впечатление „человека нескрытного", то он пробыл у тайши целый день (там же).

Сведения, сообщаемые Георги о ламаизме, необходимо рассмотреть в связи с данными, которые приводятся по этому же вопросу у Палласа.

Шаманству и ламаизму путешественники, за исключением Георги, в своих описаниях отвели относительно более места, чем фактам, характеризующим экономику и социальные отношения бурят, причем в своих наблюдениях комплекса явлений, относящихся к религии бурят, путешественники выдвигали на первый план чисто описательную часть (довольно подробные описания тайлаганов, камланий шаманов, ламайского богослужения, различных принадлежностей ламайского культа) и, за исключением Палласа, лишь мимоходом и отрывочно касались общественно-экономической роли ламства и шаманства. Такой именно характер носит сочинение Палласа, специально посвященное вопросам ламаизма, объемистый II том его „Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolisch Völkerschaften.

Резюмируя свои впечатления, полученные при проезде через Хоринскую степь, Паллас отмечает, что большинство хоринцев—еще грубые язычники, преданные своим шаманам. Но ламайское духовенство, которое с рвением стремится увеличить свою паству, уже распространило среди части своих соплеменников-хоринцев ламаизм,—суеверие, которое, по крайней мере, содержит в себе некоторые элементы морали. Теперь (1772 г.) у хоринцев имеется уже один гецул[1] и 26 низших лам, а знатнейшие хоринские зайсаны, как и сам тайша, уже придерживаются до некоторой степени ламаизма" (Reise. III, 177—178).

Как известно, бурят-монгольская знать в лице тайшей, зайсанов и др. всемерно содействовала распространению ламаизма среди масс, правильно усматривая в идеологии ламаизма „духовную" опору для своей эксплоататорской роли.

У тайши Дамба-Дугара была особая юрта для совершения ламайского богослужения, богато обставленная. В ней Георги видел между прочим два серебряных бурхана, весом в несколько фунтов,—китайской работы. Вероятно, это были бурханы, при-

[1] Одна из степеней ламства.

надлежавшие старой шаманке, которых видел Гмелин и которые перешли по наследству к тайше Дамбе-Дугару.

Несмотря на успехи, которые сделало распространение ламаизма за 35 лет со времени посещения Бурятии Гмелиным, шаманство все же продолжало сохраняться: по свидетельству Георги, богатые люди справляли при посредстве лам ламайское богослужение наряду с шаманским (Bemerk. II, 313). Получился своеобразный симбиоз двух религий, в который мало-помалу начали вплетаться элементы третьей религии—христианства. Эта религия через посредство православных миссионеров также старалась пустить свои корни среди бурят. Среди рукописных богослужебных ламайских книг на монгольском языке, имевшихся у тайши, Георги видел одну книгу в хорошем переплете, содержавшую в себе... псалмы царя Давида на церковно-славянском языке. (Bemerk. II, 315).

Во время своих поездок по Бурятии Паллас посещал главные дацаны (ламайские монастыри) и неоднократно виделся и беседовал с тогдашним главой ламайского духовенства Бурят-Монголии, который носил название бандидо-хамбо-ламы. В апреле 1772 г. Паллас заехал в Цонгольский (Хилгантуйский) дацан, являвшийся тогда центром бурят-монгольского ламаизма. Этот дацан был расположен в долине р. Чикоя, притока Селенги. Здесь кроме главного храма и шести других—меньших размеров—был построен хороший дом, в котором проживал хамбо-лама, и еще два дома: в одном жил его секретарь, а в другом—бурят-монгол, принадлежавший к казачьему войску. Вблизи храмов был ряд отгороженных заборами мест, на которых ламы, приезжавшие из улусов в дацан для совершения торжественных богослужений, устанавливали свои войлочные юрты. Храмы и дома были построены из дерева русскими плотниками по планам хамбо-ламы, который в молодости жил и учился в Тибете и поэтому стремился в архитектуре и украшениях дацанских зданий воспроизвести архитектурный стиль тибетских пагод (храмов) (Reise, III, 106—108).

Спустя два месяца, Паллас, возвращаясь из поездки по восточному Забайкалью, вторично посетил Цонгольский дацан и присутствовал здесь на торжественном ламском богослужении, которое, из уважения к гостю, совершал сам хамбо-лама. После богослужения Паллас имел с ним продолжительную беседу (Reise. III, 269). В другом своем сочинении (II-й том „Sammlungen", см. выше) Паллас дает характеристику этого хамбо-ламы. Его имени он не указывает, но, судя по хронологическим данным, это был знаменитый в истории бурят-монгольского ламаизма Дорджи Цзаягийн (Заяев—в русской официальной переписке). По другим историческим материалам известно, что Цзаягийн получил свое образование в Тибете, после чего, возвратившись в Бурят-Монголию, сделался главным ламой Цонгольского дацана. В 1764 году русское правительство назначило его главою

бурят-монгольского ламайского духовенства с возведением в звание бандидо-хамбы. В 1767 г. Цзаягийн, по вызову русского правительства, ездил в Москву для участия в комиссии по составлению нового уложения, причем получил золотую депутатскую печать, а также пожизненную пенсию.

По описанию Палласа, это был „подобострастный старик, который, вопреки монашеским правилам ламаизма, пил водку, как воду, и предоставлял полную свободу в этом отношении также и подчиненному ему духовенству. При всем том он был очень энергичным в деле уничтожения шаманства и в распространении своей, полной суеверий, религии". (Sammlungen. II. 124).

Близкое соприкосновение с ламством дало Палласу возможность установить отрицательные черты ламства, как верхушечного слоя, широко эксплоатировавшего, в союзе с нойонством, трудовые массы бурят-монгольского населения, и в то же время вносившего в эти массы элементы нравственного разложения. „Почти все гелюны (высшие ламы. В. Г.)—богатые люди,—пишет Паллас:—ламайское духовенство, добившееся от бурят-монголов признания того, что оно якобы необходимо для них при всех событиях повседневной жизни, быстро обогащается при помощи распространяемого среди них суеверия. Ламы—величайшие кровопийцы по отношению к массе простого народа и в то же время—большие бездельники, которые кроме своей ламской „практики" ничего не делают, а только едят, пьют, спят и сожительствуют с чужими женами. У них нет никаких семейных обязанностей; они набирают себе для услуг столько учеников, сколько им нужно, не платят в государственную казну никаких податей, внушают суеверной массе все, что хотят, пользуются каждым несчастным случаем, каждой болезнью, чтобы грабить народ". (Sammlungen. II. 130). Паллас описывает далее и те методы, которыми пользуются ламы для ограбления масс. „Бурят-монголы за первым советом всегда обращаются к ламам, и „первая помощь" со стороны лам заключается в колдовстве. За это ламы получают подарки и, кроме того, обычно захватывают в свою пользу, якобы с добровольного согласия пациента, какую-нибудь ценную вещь из его имущества, на которую они взваливают вину за случившееся несчастье и которая в таких случаях всегда переходит в собственность лам. Если богач, даже сам тайша прибегает к помощи этих „дурных пастырей", то должен отдавать им целые стада. При продолжительности болезни пациента эти волки в овечьей шкуре расхищают большую часть его имущества". (Sammlungen, II. 130—131).

Паллас, а также другие путешественники неоднократно подчеркивают нарушение ламами обета безбрачия. У селенгинских монголов дисциплина среди ламайского духовенства, по словам Палласа, „настолько пала, что почти каждый лама держит в своем жилище или где-нибудь в соседней юрте молодую женщину из числа своих родственниц под видом экономки" (там же, с. 128).

Кроме оплаты ламской „помощи“ всякого рода, бурят-монгольские массы вынуждены были платить огромные суммы на постройку и украшение дацанов. У путешественников нет указаний определенных цифр по этому вопросу, но самый факт отмечается неоднократно. Так, по сообщению Палласа, в расходах по постройке Цонгольского дацана участвовали все бурят-монгольские роды Селенгинского района, в особенности Цонгольский род, из которого происходил хамбо-лама; Гусиноозерский (Хамбинский) дацан построен на средства Хатаганова и Подгороднего бурят-монгольских родов (Sammlungen, II, 148).

Одним из внешних проявлений смычки, которая существовала между бурятскою знатью и ламством, было то, что при дацанах были построены дома не только для высшего ламайского духовенства, но и для родоначальников, в которых они проживали при приездах в дацан для присутствия при богослужениях (Samml. II. 174).

Некоторые из лам постоянно жили при дацанах и пользовались прилегающими к дацанам прекрасными пастбищами для выпаса принадлежащих им стад (там же).

Сиверс в своих путевых письмах также указывает на то, что „богатые ламы из дацанов, в которых они проживают, выезжают на пастбища посмотреть свои стада и живут здесь некоторое время в войлочных палатках“ (Briefe, 28).

Из этих сообщений видно, что ламы, вопреки обету монашеского нестяжания, имели на правах частной собственности большие стада, которые они все время увеличивали за счет поступлений со своей паствы за ее „обслуживание“.

Гораздо менее сведений дают путешественники об эксплоататорской роли шаманов. При посещении Георги острова Ольхона (на Байкале) там жила шаманка,—представлявшая в своем лице все (шаманское) духовенство острова. „Это была умная, простодушная, *зажиточная* (курсив мой—В. Г.) женщина“,—пишет Георги. Количество животных, истреблявшихся при шаманских жертвоприношениях на острове, было велико. (Bemerkungen. II, 58). Это, несомненно, являлось большим бременем для бурятского скотоводческого хозяйства. В другом месте Георги указывает, что бурятские шаманы получали плату за свои „труды“ скотом. (там же, с. 323).

Каково же было положение бурят под русским владычеством во второй половине XVIII века как туземного населения царской колонии?

Главною целью политики военно-феодального государства в завоеванных им колониях было, как известно, извлечение из них возможно большего количества всякого рода ценностей,— по отношению к Сибири, в первую очередь—дорогой пушнины, и, как необходимое условие выполнения этой задачи, поддержание повиновения среди покоренных туземцев. Выколачивание ясака из бурят и проведение у них тяжелых натуральных

повинностей производились при деятельном участии бурятской верхушки—нойонства, высшего ламства и наиболее влиятельных шаманов. За это содействие бурятская знать получала от русского правительства различные привилегии и награды—звания тайшей и зайсанов, грамоты (патенты) на эти звания, денежное жалование и т. п.

Царское правительство в угоду помещикам и российской развивающейся буржуазии сознательно препятствовало развитию производительных сил в колониях, в том числе и в Бурят-Монголии, и стремилось консервировать там остальные формы хозяйства. С этой целью всячески тормозилось развитие местной промышленности и, кроме того, колония отгораживалась таможенными рогатками от соседних с ней зарубежных стран (Китая и Монголии), чем обеспечивалось исключительное господство на колониальном рынке русского торгового и промышленного капитала.

Так, в Бурят-Монголии в XVIII веке русское правительство запретило торговлю скотом с Китаем. Вследствие этого запрещения у бурят-монголов пропадал стимул к развитию главной отрасли бурятского хозяйства—скотоводства. Это отмечает между прочим Георги, подчеркивая, что до запрещения торговли с Китаем бурят-монголы продавали излишки своего скота, но после прекращения, вследствие запрета пограничной торговли, этот скот или замерзает или околевает, являясь таким образом мертвым капиталом в хозяйстве. (Bemerkungen. II. 309).

Колониальная политика царизма, естественно, вызывала и поддерживала в бурят-монголах враждебное отношение к русским завоевателям. Внешним выражением такого отношения было существовавшее среди бурят-монголов название русских завоевателей словом „мангут", что, как поясняет Паллас, обозначает „домовой", „леший", вообще „нечистая сила". (Reise. III, 393). То же самое отметил и Гмелин (см. выше стр. 42).

Путешественники констатировали тот факт, что во второй половине XVIII века коэфициент рождаемости у бурят был меньшим, чем у русского населения Бурят-Монголии (Georgi. Bemerkungen, II. 503). Это не было биологическим вырождением, которое буржуазные ученые, исходя из измышленной или расовой теории, приписывают всем так называемым ими „некультурным расам". Явление это объясняется проще: оно было результатом того экономического, социального и политического гнета, который удерживал бурят, как и других туземцев Сибири, в условиях примитивного и отсталого хозяйства и быта, ослабляя тем самым сопротивляемость организма различным инфекционным заболеваниям и с другой стороны—лишая туземцев какой-либо помощи со стороны европейской медицины.

Георги отмечает, что буряты „до 60-ти лет редко доживают,... от оспы умирают многие... горячки, а особливо с пятнами, немногие переносят"... Среди бурят Георги констатирует и наличие

„венерической болезни“ (сифилиса). (Описание, 35. Bemerkungen, II, 312).

Отсутствие медицинской помощи заставляло бурят прибегать к ламам и шаманам, а также использовывать те целебные средства, которые были даны самой природой в виде многочисленных на территории Бурят-Монголии холодных и горячих источников („аршанов“).

Простонародье, преимущественно больные буряты, по сообщению Георги, довольно усердно посещают Тункинские горячие источники и по большей части получают здесь исцеление. Буряты приезжают к источникам с семьями и пригоняют сюда и свой скот. (Bemerkungen. II. 140). Лаксман приводит мнение бурят, которые приезжают на Тункинские воды сотнями,—что горячие воды источника „вытекают из ада“[1].

Паллас описал внешний вид минеральных источников вблизи речки Погромной, по Хоринской степи, которые также усиленно посещались бурятами: на кустарники вблизи источников были навешаны разные лоскутки, а также бараньи и коровьи лопатки с надписями на монгольском языке; в этих надписях указывалось имя больного, его болезнь и тот день, в который он получил окончательное исцеление. У одного источника была устроена молитвенная мельница, крылья которой были исписаны словами на тибетском языке, обозначающими молитвы. При ветре эти крылья беспрерывно вертелись. (Reise. III. 251).

Целебные источники посещались не только бурятским простонародьем, но и тайшами, которые приезжали сюда в сопровождении более или менее значительной свиты. Сиверс в одном из своих писем дает относящуюся к концу XVIII века картину из быта бурят-монгольской знати, которая любила совершать поездки на „аршаны“. Горячие источники, расположенные в долине реки Чикоя, посетил бурят-монгольский тайша (князь). Сиверс не указывает, какого бурятского „ведомства“ был этот тайша, но можно предполагать, что это был тайша селенгинских бурят. Тайша приехал со свитой, в составе которой было 100 всадников, 6 лам, 4 женщины и более 30 человек охотников и прислужников. По приказанию тайши место, где находились горячие источники, было очищено и приведено в порядок. Над источниками были построены две беседки из кедровых ветвей: одна из беседок предназначалась для купания мужчин, другая—женщин. Кроме того, было возведено особое строение для проживания тайши. Внутри оно было выложено коврами. На этих коврах рядом с тайшей „возлежал“ лама, который, по словам Сиверса, пользовался большим авторитетом у тайши или, точнее сказать, управлял тайшей, являясь его министром, духовником и консультантом (Silvers. Briefe. 87).

---

[1] Лагус. Э. Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. Сиб. 1890, с. 46.

Таким образом и в конце XVIII в. ламство продолжало играть при тайшах ту же роль, какую отметил Гмелин в 30-х годах XVIII века (см. выше сс. 34—35).

Единственным мероприятием в области здравоохранения у бурят было оспопрививание, введенное с 1771 года. Проведение оспопрививания среди сибирских туземцев вызвано было тем элементарным соображением, что эти туземцы являются плательщиками ясака и что поэтому с точки зрения колонизаторской политики было выгодно затратить некоторые суммы на предупреждение оспенных заболеваний среди „ясачно-плательщиков", чем лишиться их совсем. Кроме того, оспопрививанию был придан характер модной шумихи: императрица (Екатерина II) привила себе оспу, что дало повод придворным льстецам прославлять ее как великую героиню.

Когда оспопрививание было начато на окраинах, было уже известно, что это дело находится „под высочайшим покровительством". Соответственно этому и бурятские тайши поспешили привить оспу себе и своим семействам, изображая это как благодетельный пример для своих незнатных сородичей. В послужных списках тайшей оспопрививание ставилось как одна из их „заслуг" перед правительством[1].

Георги приводит любопытные сведения о том, как прошло у бурят первое оспопрививание. Прививка оспы бурятам началась в Иркутске с 1771 года „без всяких затруднений, как в Париже". „Доверие бурят к оспопрививанию удивительное", замечает Георги: „они приходят в Иркутск с детьми—грудными и более взрослыми за 300 верст и предоставляют себя врачам без всяких колебаний. Из 494 детей, которым была привита оспа в Иркутском оспенном доме, русских детей было около 30, остальные—бурятские. Эти люди (буряты) смотрят на вещи прямо и не смущаются отдельными немногочисленными жертвами (5 детей умерло)... Тункинские буряты просили о том, чтобы к ним был послан врач для оспопрививания. Несколько бурят, находившиеся в оспенном доме для ухода за детьми, обучались искусству прививать оспу. (Bemerkungen. II. 504—505).

Сиверс в своих письмах сохранил имя того врача, который впервые производил оспопрививание среди бурят. Это был известный в истории сибирской медицины доктор Весслейн, заведывавший одно время городской больницей в городе Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ). Еще до введения оспопрививания Весслейн интересовался вопросами здравоохранения у бурят. Так, на основании произведенных им наблюдений, он пришел к выводам (правда, оказавшимся впоследствии неправильными), что употребление бурятами в пищу значительного количества

[1] „Летопись баргузинских бурят". Изд. Академии Наук, под ред. и с примечаниями А. И. Вострикова и Н. Н. Поппе. М-Л. 1935 г., с. 32—запись о деятельности главного тайши баргузинских бурят Басвола Андреева.

щелочей в виде горькой соли (гуджира) способствует развитию среди них оспенной эпидемии. В связи с этим он добился от администрации особого обращения к бурятам, в котором настойчиво рекомендовалось не употреблять в чаю гуджира и разъяснялся вред такого употребления. Сиверс считает, что благодаря этой мере прививка оспы Ресслейном бурятам прошла так хорошо: смертность при оспопрививании была у него меньше, чем у знаменитых врачей того времени Мюлленберга и Шиллингса (Silvers. Briefe, 20).

Колониальная политика царского правительства находила свое отражение и в положении народного просвещения у бурят. Правительство препятствовало тому, чтобы сибирские туземцы, в том числе и буряты, получали образование или даже были просто грамотными. О школах национальных, с преподаванием на родном языке, не могло быть и речи. В результате такой политики у бурят были только немногочисленные ламские школы при дацанах; большая часть этих школ существовала нелегально, вопреки запрещениям правительства. Задачей этих школ была подготовка кадра лам и поэтому, вместо ознакомления учащихся с реальной действительностью, им внушали самые искаженные представления о природе и человеке. Георги указывает, что у бурят „за неимением школ весьма мало таких, которые читать и писать умеют". (Описание, 27).

Перед учеными путешественниками вставал вопрос, что является причиной культурной отсталости бурят—их „прирожденные" свойства или те внешние условия, в которых жили буряты. Паллас, в противоречие с высказываниями других путешественников и своими собственными о „тупости" бурят, вялости их ума и т. п. (разбор этих взглядов дан ниже, в заключительной главе) в качестве объективного наблюдателя вынужден был констатировать, что хотя буряты являются народностью еще некультурной, но вообще „монгольские народы имеют природный ум, хорошую память и большую способность к науке... Они легко цивилизовались бы и сделались культурными, если бы им не препятствовали в этом их живость (Lebhaftigkeit) и образ жизни". (Sammlungen. I. 103). Ученому путешественнику было непонятно, что причина культурной отсталости бурят-монголов заключалась вовсе не в их „живости", а в колониальной политике царизма, под игом которой жили буряты и посредством которой буряты искусственно удерживались на низкой ступени культурного и хозяйственного развития и быта.

ГЛАВА III

Геденштром.—Миллер И. Г.—Кохрэн.—Мартос.—Паршин.—Эрман.—Кастрен

Геденштром М. М. Исследователь арктического севера; во втором десятилетии 19 века служил в Забайкалье в должности верхнеудинского исправника. Из сочинений его, кроме описания арктических путешествий, известна книга „Отрывки о Сибири. СПБ. 1830 г.“, в которой приводится много сведений, относящихся к хозяйству и социальным отношениям населения Восточной Сибири как русского, так и туземного.

Миллер И. Г., был директором Иркутской губернской гимназии в начале 19 века; в августе 1811 г. совершил поездку из Иркутска в Нерчинск для открытия там уездного училища. Описание этой поездки напечатал в журнале „Дух журналов“ за 1816 год.

Кохрэн Джон, капитан английского флота. В начале 19 века приобрел известность своими путешествиями пешком. Совершив ряд таких путешествий по Европе, задумал пройти через всю Россию до Камчатки и Ледовитого океана. В 1820 г. с разрешения русского правительства отправился в Сибирь. Свое сибирское путешествие Кохрэн описал в книге, изданной в 1824—5 гг. в Лондоне на английском языке под заглавием „Narrative of a pedestrian journey thorough Russia and Sibirian Tartary [1].

Приводимые в этом сочинении сведения заставляют предполагать, что Кохрэн путешествовал не пешком, а на лошадях. Это подтверждается также письмом Сперанского Кочубею, в котором сообщалось, что Кохрэн путешествует по Сибири „по-людски“—т. е. в повозке. В другом письме (дочери) Сперанский так характеризует Кохрэна: „Острота, бродяжничество, упрямство, вместе безрассудное легкомыслие и бессвязность предприятия“. (Вагин. Исторические сведения о деятельности Сперанского в Сибири, т. II, с. 195). Тем не менее сведения Кохрэна

[1] „Повествование о пешеходном путешествии по России и Сибирской Татарии“. Сведения о Бурят-Монголии помещены во 2-м томе этого сочинения.

о бурятах, как результат наблюдений очевидца, не лишены интереса.

Мартос Алексей Иванович (1790—1842). Писатель. Сын знаменитого русского скульптора И. П. Мартоса. Учился в инженерном корпусе. После служебной поездки в Сибирь издал в 1827 г. книжку „Письма о Восточной Сибири". (М. 1827).

Паршин Вас. Петрович (1805—1859), писатель. Родился в Иркутске, учился в Иркутской гимназии, служил в местном казачьем войске, после чего перешел на педагогическую работу и был учителем и штатным смотрителем Нерчинского и Верхнеудинского уездных училищ. К концу жизни служил в судебных учреждениях Иркутской губернии. Писал стихотворения. Владея бурят-монгольским языком, перевел с этого языка на русский бурятскую песню „Цветок". Свои впечатления, полученные при поездке за Байкал, Паршин изложил в книжке „Поездка в Забайкальский край" (М. 1844). Поездка Паршина по Забайкалью относится к 1833-му году.

Эрман Адольф (1806—1877) ученый, совершил путешествие по Сибири до Иркутска, а затем путешествовал по северо-востоку Сибири. По Бурят-Монголии Эрман проезжал в 1829 году. Наряду с географическими исследованиями изучал специально земной магнитизм. Издал описание своего путешествия на немецком языке под заглавием: „Reise um die Erde burch Nord-Asien und beide Oceane in den Jahren 1828—1830". Berlin. 1838. („Кругосветное путешествие по Северной Азии и через два океана, совершенное в 1828—1830 годах"). Сведения, относящиеся к бурят-монголам, помещены в первом отделении 2-го тома этого сочинения.

С точки зрения оценки сообщений путешественников XVIII века о бурят-монголах представляет интерес тот факт, что Геденштром, начинающий собою (хронологически) ряд путешественников, посетивших Бурят-Монголию в первой половине XIX века, сравнивает свое описание бурят с описаниями академических путешественников XVIII века. Это сравнение приводит его к заключению, что „после того (т. е. после путешествий академиков—В. Г.) многое изменилось, иное представлено не в настоящем виде, и есть несколько предметов, совсем неизвестных, замечания о которых могут быть полезны" („Отрывки о Сибири", 15). Таким образом сообщения Геденштрома, по замыслу их автора, должны содержать в себе данные об изменениях хозяйства и быта бурят за период в 30—40 лет, протекший со времени посещения Бурят-Монголии Палласом и Георги. „О сибирских народах судят по прежним описаниям", замечает Геденштром, а между тем „знаменитый Паллас уже худо знакомит с Сибирью" (там же, 10, 17).

Геденштром считает нужным заверить своих читателей, что

он пишет „только о том, что сам видел или о чем мог иметь достовернейшие сведения". Свои сообщения он ограничивает территорией Иркутской губернии, какой она была в первой половине XIX века. В состав этой губернии, которая, по словам Геденштрома была ему „совершенно известна", тогда входило между прочим все Забайкалье. В доказательство своего знакомства с Иркутской губернией Геденштром сообщает, что он жил в Сибири 20 лет „и имел случай объездить всю губернию и узнать подробно как населенные места, так и безлюдные" (с. 14).

Все, что нам известно о Геденштроме, подтверждает это его заявление. Проживая в г. Верхнеудинске, Геденштром по делам службы действительно изъездил Иркутскую губернию вдоль и поперек. Несмотря на это, все же его сообщения являются далеко неполными и поэтому должны быть дополняемы сведениями, почерпаемыми у других путешественников, которые посетили Бурятию на протяжении первой половины XIX века. Поэтому сообщения 5-ти путешественников, список которых предпослан настоящей главе, даются в общем обзоре, поскольку их объединяет тождественность тех явлений и объектов, которые они наблюдали.

Этот обзор мы начнем с вопроса о местах обитания бурят. В начале XIX века буряты осели уже в определенных районах. У Палласа и Георги очень неопределенными были сведения относительно нижнеудинских бурят. Сообщения Мартоса восполняют этот пробел. „В Нижнеудинском уезде,—пишет он (1823 год),—кочуют карагасы и три рода бурят: ашехабатский, харанутский и „нижнеудинской землицы", причем первый обитает по р. Оке, харанутцы—по р. Уде". Мест обитания третьего рода Мартос не указывает, но можно предполагать что он кочевал также по р. Уде. Мартос отмечает, что из общего числа населения города Иркутска 1823 года 15646 чел. об. п. 63 человека принадлежали к числу „ясачно-крещеных" и „иноверцев" (Мартос. Письма о Восточной Сибири, с. 148).

В основе хозяйства забайкальских бурят продолжало оставаться, как это было и в XVIII веке, кочевое скотоводство. „Все буряты (забайкальские), как скотоводы, ведут жизнь кочевую и живут в войлочных шатрах (юрты)",—пишет Геденштром... „Для удобнейшего прокормления скота кочуют они три раза в году: весною, летом и зимою". („Отрывки", 65—66).

У западных бурят кочевое хозяйство постепенно сменялось более оседлым образом жизни. По сообщению того же Геденштрома, все иркутские буряты, исключая ольхонских, тункинских и части аларских, „не имея обширных земель и бывши перемешаны с русскими селениями, постепенно отстают от кочевой жизни. Все они живут в деревянных юртах, а у некоторых построены даже дома" (там же, 78—79).

Значительное развитие получила отрасль бурятского животноводства—разведение овец, чему способствовала работа Тель-

минской суконной фабрики. Эрман указывает, что шерсть для этой фабрики покупается у бурят и тунгусов, которые со своими стадами кочуют в Иркутском, Верхнеудинском и Нерчинском уездах и на байкальском острове Ольхоне (Reise. II. 58—59).

Развитие земледелия у бурят в первую четверть XIX века характеризуется в приводимых ниже сведениях Геденштрома, сопровождаемых у него краткими сообщениями относительно общей экономики каждого бурятского „ведомства".

Забайкальские буряты Верхнеудинского уезда (в состав его тогда входило все западное Забайкалье до Яблонового хребта) разделялись на четыре общества:

1) Хоринские роды—до 22 тыс. душ. Земли их имеют в окружности до 3-х тысяч верст. 2) Селенгинские. Половина их исправляет на границе казачью службу. Всех около 16 тысяч. Они имеют гораздо менее земли, нежели хоринцы. 3) Кударинские, до 2000 душ, живут близ Байкала на устьях Селенги, наделены землями менее всех прочих бурят; арендуют казенные оброчные и монастырские земли. 4) Баргузинские, около 1800 душ, живут по р. Баргузину, „имеют лучшие нажитки и земли во множестве".

Начало хлебопашества у забайкальских бурят Геденштром относит к началу XIX века. „Начальство изданным особым положением о хлебопашестве велело им засевать по полудесятине на каждую ревизскую душу. В скором времени нашли они выгоду от земледелия и начали употреблять собственный хлеб в пищу, варя его зерном по неимению печей для печения хлеба".

Буряты (забайкальские) не только занимались земледелием на части своих земель, но во многих местах вели его на основе искусственного орошения: „буряты разделяют ручей при его вершине на мелкие каналы и наполняют свои пашни и покосы. Сим простым способом хлеб у них всегда урожаен и даже в засухи на хрящеватой сухой почве родится лучше, нежели у русских". (Отрывки, 63—65).

Таким образом в начале XIX века земледелие получило заметное развитие и у забайкальских бурят, которые в XVIII веке были еще „чистыми" скотоводами. Однако мнение Геденштрома о том, что побудительным толчком к развитию земледелия у забайкальских бурят послужило изданное Иркутской губернской администрацией „Положение о хлебопашестве", нуждается в ограничении: возникновение и развитие земледелия у бурят вызвано было общим хозяйственным развитием края, несмотря на то, что это развитие в условиях царской колонии происходило крайне медленно. Ясно, что одними губернаторскими распоряжениями нельзя было создать новую отрасль хозяйства, если для нее не было почвы в местной экономике.

Западные (иркутские) буряты составляли 7 „обществ" (ведомств): 1) Идинское—„имеет земель всех менее и потому

первое принялось за хлебопашество". 2) Балаганское—„скотоводство его недостаточно для избыточного содержания" (т. е. для того, чтобы хозяйство было достаточно зажиточным—В. Г.). 3) Аларское—„земли его—обширные. Скотоводство—значительное, но, по примеру других бурят, они (аларцы) развели пашни и, поощряемые начальством, более и более привыкли к земледелию". 4) Кудинское—„занимаются давно земледелием; скотоводство не столь значительно". 5) Верхоленское—„меньшая часть верхоленских бурят занимается хлебопашеством, прочие—скотоводы и звероловы". 5) Ольхонское—„самое малочисленное. Скотоводство, рыбная ловля и отчасти звериный промысел доставляли этому обществу только скудное пропитание". 7) Тункинское—вследствие бесплодия земель тункинские буряты ограничиваются одним скотоводством; места их изобилуют всяким зверем и мягкою рухлядью (пушниной), особенно белкой. (Отрывки. 77—78).

Некоторые данные о земледелии у хоринцев в начале XIX века дает Миллер. В 1807 году среди них считалось земледельцев 1224 человек, которые на 1343 десятинах высевали более 12 тысяч пудов пшеницы, ячменя, овса, гречи и проса („Путешествие".—Дух журналов 1816 г., ч. XIII, кн. 27, с. 80/168).

Как подсобный промысел в хозяйстве бурят сохраняла свое значение охота. Продолжало развиваться старинное и наиболее известное ремесло бурят, которое описывали путешественники XVIII в. (см. выше)—инкрустация по железу и стали серебром, медью и оловом. „Уже в Иркутске мы видели кое-что из изящных металлических изделий бурят,—пишет Эрман (1829 г.):—их огнива по праву предпочитаются лучшим европейским огнивам и покупаются русскими по дорогой цене... На стальных частях бурятской сбруи и другой утвари мы видели выгравированные рисунки, причем медные и серебряные насечки были наложены так глубоко и крепко, что эту работу бурятских кузнецов можно сравнить лишь с аналогичной работой тульских кузнецов". Особенно понравилась Эрману курительная трубка, изготовленная также „в бурятских степях". По мнению Эрмана, такая трубка „едва ли могла быть сделана более изящно каким-либо европейским ювелиром". Чашечка трубки и чубук были сделаны целиком из серебра и украшены рельефами и инкрустацией из кусочков красного коралла (Reise. II. 104).

У Эрмана находим сообщение еще об одном виде подсобных промыслов у бурят, о котором не упоминали путешественники XVIII в. и который развился в связи с расширением торговли в Восточной Сибири, в частности—кяхтинской торговли. Это—извоз, транспортирование лошадиной тягой товаров, в особенности чаев, отправляемых из Кяхты в Европейскую Россию. При въезде в пределы Иркутской губернии Эрман начал встречать большие обозы, состоявшие из саней, на которых везли чай из Иркутска в Красноярск. В числе возчиков были и бу-

ряты (Reise. II. 57. 62). Буряты работали по извозу не только на сибирских трактах, но и на трактах Монголии. В пограничном Маймачене, вблизи Кяхты, Эрман видел бедняков-монголов, служивших в качестве погонщиков верблюдов у китайских купцов. В числе этих погонщиков были и селенгинские буряты-бедняки (там же, 110).

В связи с некоторым, правда незначительным, развитием местной промышленности, имевшим место на протяжении XVIII века (главным образом небольшие казенные заводы—солеваренные, винокуренные и др.) беднейшая часть бурят, лишившаяся средств производства для ведения скотоводства и земледелия, стала мало-помалу вовлекаться в промышленное производство. При описании Селенгинского солеваренного завода Мартос отмечает тот факт, что в случаях недостатка рабочих на этом заводе (комплект рабочих на заводе в то время—1823 год—был установлен в 200—210 человек) на него „принимались вольными ценами буряты, кочующие по окрестным улусам; им платили за работу по 3 и по 4 рубля в месяц каждому". Такие же ставки были и для русских рабочих, сосланных за преступления на заводские работы. (Письма о Вост. Сибири, с. 100). Чтобы составить представление о реальных размерах указанной заработной платы, следует сопоставить ее с приводимыми тем же автором ценами на продукты, существовавшими тогда в районе завода: фунт свежей говядины стоил 8 копеек, пуд рыбы—20 копеек (там же, с.с. 100—101).

Другая часть бурятской бедноты нанималась в качестве батраков к русским крестьянам-кулакам. Из последних некоторые имели до тысячи голов всякого скота и засевали до 100 десятин земли и при таких размерах хозяйства широко практиковали наем бедноты (Геденштром. Отрывки о Сибири, с. 61).

В связи с увеличением товарности бурятского хозяйства первая половина XIX века отмечена развитием обмена как в пределах территории бурят-монголов, так и в виде вывоза продукции сельского хозяйства и промыслов бурят на местные городские рынки (Иркутск, Верхнеудинск), в Западную Сибирь, а также в Монголию и Китай—через посредство Кяхтинской торговли.

Мартос в свойственном ему риторическом стиле указывает (1823 г.), что Кяхта является „ненасытимой пучиной благодетельной коммерции, а эта „коммерция", по мнению Мартоса, „оживляет своим богатством большую часть Сибири и соделывает дикаря[1] забайкальского необходимым для жителя Греции" (Письма о Вост. Сиб., с. 123). Главной статьей обмена в Кяхтинской торговле со стороны бурят, по словам Паршина, была мерлушка—шкурка молодого барана. „Она идет на промен ки-

[1] О специфической терминологии Мартоса, применяемой им по отношению к туземным народам Сибири, см. ниже в заключительной главе.

тайцам и по постоянному требованию на мерлушку, цена на нее изумительная"; русские купцы покупают мерлушку у крестьян, бурят и тунгусов черную, сырую мерлушку от 4 р. до 5 р. 50 к. за штуку; к китайцам она поступает дороже—7 рублей штука. (Поездка в Забайкальский край. М. 1844, с. 54.—Поездка автора относилась к 1833 году).

Своеобразный обмен происходил между бурятами-ламаитами и за границей в связи с распространением и укреплением в Бурят-Монголии ламаизма. Кохрэн указывает (1821), что „очень недавно буряты привезли религиозные (ламаистские) книги из Тибета, погруженные на 30 телег, израсходовав на это 1200 голов скота" (Cochrane. Norrative of pedestrion journey II, p.p. 130—131). Кохрэн отмечает также товарообмен между бурятами, жившими вблизи г. Верхнеудинска, и городским населением, причем буряты продавали главным образом скот и пушнину (там же, с. 128).

Западные буряты вели оживленную торговлю в Иркутске. По свидетельству Эрмана, они ежедневно привозили на продажу сено, мясо и пушнину, которую добывали „при помощи своих превосходных луков". „Монголо-бурятский язык является живым языком на иркутских базарах", замечает Эрман. (Reise. II, 70).

Развитие обмена и сравнительная редкость в то время в Восточной Сибири денежных знаков не только металлических, но часто и бумажных вызвали появление особых „денег"—меновых единиц в виде разных товаров. В XVII веке такими деньгами были шкурки соболя, позднее в XVIII веке,—серебряные и золотые слитки, разные материи и т. п. (см. выше сообщения Избранта). В первой половине XIX века, по словам Эрмана, ходячей разменной единицей, заменявшей деньги в торговом обороте бурят и монголов, были кирпичи прессованного чая. Бурятские и монгольские богачи собирали и хранили большие запасы кирпичного чая. Это было тем легче делать, что, как сообщает Эрман, „в сухих местах кирпичный чай сохраняется без всякой порчи, и капитал, состоящий из кирпичей такого чая, часто считается в степях более надежным и более желательным, чем обладание большими стадами. Кирпич чая представляет определенную меновую единицу, в которой вступающие в обмен стороны выражают стоимость всякого другого товара" (Reise. II, 133—134).

Переходя к обзору сообщений путешественников XIX века о бурятском административном управлении, следует констатировать, что система бурятских „степных" учреждений—до издания „Положения об управлении инородцев", 1822 г.—оставалась в общем в том же виде, как ее описывали академические путешественники XVIII века.

Так, сообщения Геденштрома дают картину внутреннего бурятского управления, каким оно было накануне издания

„Положения об управлении инородцев" 1822 г., связанного с именем Сперанского. „Настоящее управление бурят,—пишет Геденштром,—коренное основание свое получило от графа Саввы Владиславича и существует поныне с некоторыми изменениями". (Отрывки... с. 66). Перечисляя далее должностных лиц бурятского управления (главные тайши, их товарищи, шуленги, зайсаны), Геденштром подчеркивает, что „все сии старшины избираются народом[1] бессрочно и утверждаются губернским управлением" (там же). Относительно социального положения всех этих должностных лиц Геденштром высказывает мнение, что „родословная этих старшин восходит только до тех зайсанов и тайшей, которые пожалованы были из народа графом Саввой Владиславичем, а как впоследствии избрание зависело от народа, то большая часть сего мнимого братского дворянства находится и ныне между простолюдинами" (там же, с. 67).

В этом высказывании Геденштрома имеется ряд ошибок. Прежде всего, он ошибочно придает бурятскому степному управлению демократический характер, между тем как в действительности оно находилось всецело в руках бурятской феодальной знати—нойонства, поддерживаемого высшим ламством. Избрание на должности производилось не „народом", а так называемыми родоначальниками и „почетными" родовичами, то-есть теми же феодалами, причем большое влияние при этом „избрании" имела и русская администрация, часто проводившая угодных ей кандидатов даже против желания той или иной местной группы феодалов.

Также и первые тайши и зайсаны были „пожалованы" не из „народа", а из бурятских феодалов, которые эксплоатировали массы задолго до завоевания Бурятии царизмом. Исходящие поколения этих „пожалованных" тайшей и зайсанов составили нечто вроде „династий", наследственно занимавших главные должности степного управления.

В этих условиях наследования тайшинской должности случаи, когда представители „правящей" семьи переходили в разряд простолюдинов, были чрезвычайно редкими. Правда, часто имели место конфликты между отдельными, большею частью родственными линиями, претендовавшими на получение должности тайши: „законные наследники" иногда свергались представителями враждебной группировки, которые и получали, при благосклонном участии русской администрации, должность тайши, но „свергнутый" не превращался в простолюдина, а продолжал занимать одно из первых мест среди оппозиционной группы местной знати и по мере сил и возможностей вел подкопы под своего, одержавшего победу, врага, выжидая момента.

---

[1] Разрядка здесь, как и в последующем изложении, моя—В. Г.

когда представится возможность „свергнуть“ последнего и тем самым восстановить свое „право наследования“.

Одно из главных прав тайшей и зайсанов заключалось, по словам Геденштрома, в том, что эти должностные лица, основываясь на обычном праве, „располагают на народ подати и повинности по своему усмотрению“ (с. 67). И в данном случае, констатируя, совершенно правильно, произвольное установление тайшами и зайсанами размеров податей и повинностей, взимавшихся с каждого домохозяина,—Геденштром ошибочно считает, что в результате этого произвола получалось нечто вроде пропорционального обложения—„по оценке состояния каждого“, причем беднейшие якобы „не платили ничего“. В действительности. конечно, никакой пропорциональности обложения не было, и беднота платила—относительно—гораздо больше, чем богачи.

В последующем изложении сам же Геденштром опровергает свое положение, характеризуя наиболее часто практиковавшуюся у бурят „механику“ обложения. „Родовой“ старейшина,—пишет он,—имея право располагать поборы по собственной оценке состояния родовичей, легко может по пристрастию обидеть одного перед другим и для собственной корысти соберет с рода большее число денег, нежели требовалось, употребив излишек в свою пользу“. (Отрывки о Сибири, с. 68).

Второе существенное право, которое присвоили себе бурятские старейшины, заключалось в том, что они разделяли земли между родовичами не по душам, а по числу голов скота. В результате использования этого права создалось, по словам Геденштрома, следующее положение: „теперь (1822 г.) вероятно половинное число бурят лишено земли и принуждено из пропитания служить богатым. Все старшины богаты скотом и деньгами и владеют обширнейшими и лучшими землями; простолюдины же, напротив, более и более беднеют“.

Общий вывод, к которому приходит Геденштром при обзоре бурятского управления, сводится к тому, что это управление „дает старшинам величайшее поползновение к угнетению народа“ (там же, с. 68).

В своих сообщениях Геденштром констатирует таким образом широко развившееся у бурят имущественное неравенство как внешний показатель социального расслоения, но ошибочно считает, что в 20-х годах XIX в. в Бурят-Монголии оставались еще такие „счастливые“, по его выражению, уголки, „где нет богачей, зато нет и совершенно бедных, которые должны были бы кормиться работою у других“ (с. 63). К таким районам он относил территорию баргузинских бурят. Однако такое утверждение не соответствует исторической действительности—достаточно вспомнить хотя бы того баргузинского бурята-„капиталиста“, у которого останавливался в 1772 году Георги (см. ниже, стр. 65—66.

Неправильным является также мнение Геденштрома о том, что бурятская знать являлась какою-то „мнимой“ величиной (см. выше). Оно опровергается самим автором, когда он, говоря о пожаловании русским правительством бурятским тайшам и старейшинам офицерских чинов, замечает, что благодаря этому „их (тайшей, зайсанов) честолюбие стало более воспалено, и угнетение (масс) бывает умножено“ (с. 68).

Как было указано в предыдущей главе, академические путешественники XVIII века во время своих поездок по Бурят-Монголии посещали между прочим тайшей и хамбо-ламу и оставили описание своих встреч с последними. Путешественники рассматриваемой группы также сообщают свои впечатления, вынесенные ими из встреч с представителями бурятской верхушки. Эти сообщения дают нам возможность составить некоторое, хотя и далеко неполное, представление о том, какие изменения произошли за 40—50 лет, протекших со времени путешествий академиков, в быте, экономической мощи и наконец в степени культурности этой бурятской знати, эксплоататорскую роль которых Геденштром охарактеризовал такими отрицательными чертами.

Проезжавший в августе 1811 г. через Хоринскую степь и Нерчинск директор Иркутской гимназии Миллер получил от лично ему знакомого главного тайши хоринских бурят Галсана Мардаева[1] приглашение заехать по пути к нему в „ургу“ (так называет Миллер местопребывание тайши). Миллер принял это предложение. В связи с этим посещением он сообщает, что Мардаев „имеет чин надворного советника, и состоит членом санкт-петербургского экономического общества за полезные его старания о распространении земледелия между бурятами. Он весьма богат стадами верблюдов, рогатого скота, лошадей и овец“.

Тайша встретил гостя перед юртой. „Ургa“ тайши состояла из пяти юрт, которые ни снаружи, ни внутри ничем не отличались от обыкновенных бурятских юрт, и были расположены на берегу небольшой речки среди хороших пастбищ „в приятнейшем местоположении“. При угощении гостя уже не предлагался кирпичный чай, так напугавший Гмелина и его спутников (см. выше, с. 37). „Нас угощали,—пишет Миллер,—хорошим цветочным чаем с сахаром, и подавали оный в чашках из лучшего европейского фарфора; вместе с тем подавали и трубки; подносили также тарасуну или водки из лошадиного молока. Обед наш состоял из вареной говядины, брусники и кедровых орехов“.

После обеда хозяин и гость поехали в ближайший дацан („кумирню“). Это было небольшое каменное здание; строили

[1] Галсан Мардаев занимал должность главного хоринского тайши с 1804 по 1815 год.

его буряты. Таким образом с XVIII века плотничное ремесло у бурят сделало шаг вперед: в XVIII веке, по свидетельству Палласа, дацаны строились русскими плотниками (см. выше).

Недалеко от Онинской станции находился центральный орган степного управления хоринских бурят—„Главная контора". Миллер описывает между прочим условия, в которых совершался проезд через Хоринскую степь. „Приехавши на станцию, надобно дожидаться несколько часов, пока поймают в степи лошадей; поймавши, опутывают им передние ноги и тащут с великим усилием к повозкам. Вообразите себе ужас ехать на диких, непривыкших к узде лошадях". (Путешествие Миллера,—„Дух журналов", 1816 год, ч. XIII, кн. 27, сс. 23—27).

Другой путешественник рассматриваемой группы, посетивший хоринское ведомство в 1821 году, был англичанин Кохрэн. Главным хоринским тайшей в то время был Дымбыл Галсанов, сын Галсана Мардаева, умершего в 1815 году.—Кохрэн не виделся с тайшей—тот был в отъезде. Секретарь тайши выдал Кохрэну в канцелярии (точнее в конторе хоринских бурят) открытый лист на бурят-монгольском языке, с предписанием по всему ведомству—оказывать путешественнику „уважение и всяческое содействие".

Относительно Дымбыла Галсанова Кохрэн, не указывая имени и фамилии тайши, сообщает, что он—„молодой, очень способный человек; он расположен к православным миссионерам, которые часто посещают его и живут у него неделями" [1].

Тайша, по свидетельству Кохрэна, сделал замечательные успехи в английском языке, которому его обучает английский миссионер Сван. У тайши—две жены, которые живут в полном согласии между собою. Родители Дымбыла умерли за несколько лет до приезда Кохрэна. По сравнению со своим отцом Галсаном Мардаевым, богатство которого отметил Миллер, Дымбыл Галсанов был гораздо „беднее": у него было около 3 тысяч овец, 300 лошадей, 200 голов рогатого скота, тогда как его родители имели 40 тысяч овец, 10 тысяч лошадей, 3 тысячи голов рогатого скота и кроме того множество пушнины: одна из сестер тайши при выходе замуж получила в приданое сорок ящиков первосортной пушнины. Дымбыл Галсанов получил в наследство только незначительную часть этих богатств, потому что его мать большую долю оставленного ей мужем огромного достояния передала ламам. (Cochrane. Narrative of a pedestrian journey. 136—137).

Кохрэн указывает также, что бурятские родоначальники и

[1] Эта сторона деятельности Галсанова—стремление облегчить царскому правительству христианизацию хоринских бурят—вызвала сильное брожение среди последних. Об этом см. Вагин. Исторические сведения о деятельности Сперанского в Сибири, т. 1, п. 1872, с.с. 260—289. Гирченко.—К истории бурят-монголов хоринцев—первой половины XIX в. Верхнеудинск, 1928; его же „Хоринские происшествия 1848 г. и православная миссия". Журнал „Жизнь Бурятии", 1929 г. № 1.

их подчиненные „почти не отличаются в образе жизни одни от других". Но сообщения других путешественников и другие высказывания самого Кохрэна опровергают это положение. Так, Эрман подчеркивает различия в одежде бедных и богатых бурят. Бедняки шьют себе одежду из шкур животных, тогда как богатые и знатные буряты носят суконную одежду, которая подбита хорошим мехом. (Reise. II. 70). Питание богатых и бедных было также далеко неодинаковым: по словам Кохрэна, буряты-бедняки, редко едят мясо, вообще их пища очень скудна (Narrative, 132).

Уже академические путешественники отмечали содействие бурятских тайшей русскому правительству в выявления месторождений различных металлов на территории Бурят-Монголии. Их побуждало к этому стремление получать за свои „открытия" награды от правительства. Это содействие продолжалось и в XIX веке. В 1812 году один из бурятских тайшей (хоринский) указал русским рудокопам месторождение олова, расположенное на Агинской степи между речками Цогул и Зозул, левыми притоками р. Онона. По мнению Эрмана и Миллера, это было первое месторождение олова, открытое на территории России. По этому поводу Эрман отмечает, что агинские буряты с давних времен умели добывать олово и изготовляли из этого металла сосуды для религиозного культа. (Reise. II, 190) [1].

У путешественников рассматриваемой группы находим сравнительно мало сведений о экономическом положении широких масс бурят-монголов, но одна из тяжелейших повинностей, которые выполнялись этими массами для крепостнического государства—повинность „дорожная"—по проложению и ремонту трактов и дорог—получает освещение в сообщениях путешественников XIX века. Речь идет о кругобайкальской сухопутной дороге, проложенной в начале XIX века через высокий малодоступный горный массив Хамар-Дабан. Следует отметить, что эта дорога не обслуживала потребности местного населения: она была построена, как сообщает Геденштром, исключительно для перевозки купеческих и казенных грузов из Иркутска в Кяхту и обратно в те периоды года (весна и осень), когда сообщение через озеро Байкал прерывалось („Отрывки", с. 48).

Проложение кругобайкальской дороги через крупные горные хребты, по словам Геденштрома, „стоило бы чрезвычайных издержек, но она сделана тунгусами и селенгинскими бурятами по наряду" (там же, с. 42).

[1] Добыча и обработка олова производились в Забайкалье уже в период средней бронзы. Бурят-монголы были знакомы с добычей олова, повидимому, еще до завоевания Сибири царизмом. Г. П. Сосновский. „К истории добычи олова на востоке СССР"—журнал „Проблемы истории материальной культуры". 1933 г. № 9—10, с. 18.

Здесь ярко вскрывается эксплоататорский характер колониальной политики российских помещиков и капиталистов: им нужна дорога для торговли с заграницей, ее устройство стоит чрезвычайно дорого, поэтому пусть ее выполнит колониальное население бесплатно, в порядке отбывания натуральной повинности,—повинности, которая представляла собой не что иное как барщину туземцев в пользу государства.

В 1819 году обнаружилась необходимость капитального ремонта этой дороги. Геденштром, признавая, что для работ по этому ремонту „потребны будут тысячи людей и быков", разрешает вопрос очень просто в духе неприкрытого колонизаторства: „по необходимости надобно будет,—пишет он,—прибегнуть к наряду тункинских и селенгинских бурят", несмотря на то, что, по признанию самого Геденштрома, эти буряты „еще не отдохнули от устроения этой дороги в 1811 году" (там же, с. 47)[1]. Это и было проведено в жизнь, и колониальные крепостные вынуждены были выполнять эту барщину из поколения в поколенье.

Что эта повинность была непомерно тяжелой для туземного, в частности бурят-монгольского, населения, об этом свидетельствуют факты, приводимые тем же Геденштромом и Эрманом. Геденштром указывает, что кругобайкальская дорога „ведена извилиной (зигзагами), укреплена обрубом из толстых бревен и высокими надолбами (перегражденнями) со стороны пропасти. Через гору от подъема до спуска считают 5 верст. Каких трудов стоила дорога по одной этой горе можно представить уже из того, что каждое бревно (которых тысячи) взносилось руками, потому что по крутизне ни лошадей, ни быков к тому употребить было невозможно (там же, с. 43). Эрман подтверждает, что на устройство перил по дороге потребовалась тысяча бревен, и эти бревна буряты должны были затаскивать на хребты на своих плечах" (Reise. II, 89).

Пытаясь суммировать то впечатление, которое производит кругобайкальская дорога на проезжающих по ней, Геденштром пишет: „проезжий в полной мере ценит смелость и настойчивость строителей и удивляется чрезвычайному усилию, изнурению и терпению бурят при сей исполинской работе" („Отрывки", с. 44). Это признание изнурительности работ для бурят и удивление терпеливости масс—тем характернее, что оно высказано влиятельным администратором колонии, который являлся сам одним из организаторов и руководителей работ по сооружению кругобайкальской дороги.

Переходим к сообщениям путешественников, относящимся к религии бурят. У забайкальских (восточных) бурят продолжал укрепляться ламаизм, причем ламство в первой половине XIX века так же, как и в XVIII веке, вело борьбу с шаманством.

[1] Разрядка в этих и последующих цитатах—моя. В. Г.

Мартос сообщает, что в начале 20-х годов XIX века шаманизм в Забайкалье был искоренен, причем—все орудия плутней преданы (ламами) публично на сожжение (Письма о Вост. Сибири, с. 92). Только кударинские и баргузинские буряты сохранили шаманизм.

Это сообщение Мартоса об „истреблении" шаманства не соответствовало тогдашней действительности: шаманизм был не искоренен, но лишь загнан в подполье и при благоприятных условиях неоднократно возрождался.

Как раз в тот же период (20-е годы XIX века) сам ламаизм начал испытывать начавшееся наступление со стороны официальной религии царской России—православия. Влияние, приобретенное православной миссией на главного хоринского тайшу Галсанова (см. выше, с. 150), являлось показателем этого натиска христианства на ламаизм. Но этот натиск до 60-х годов XIX в. был слабым и не давал результатов.

Попытка наступления на ламаизм была сделана также английскими миссионерами, которые с разрешения царского правительства поселились среди селенгинских и хоринских бурят для проповеди „слова божия среди язычников". Сведения об этой миссии находим у Кохрэна, который при своей поездке в Селенгинский район посетил живших там своих соотечественников. По его словам, это была „английская колония в центре варварства" (Narrative, p. 128). Но, по свидетельству Кохрэна, деятельность миссионеров не имела успеха: они не обратили в христианство ни одного бурята, за исключением лишь тех, которые нанялись к миссионерам в качестве слуг. Причина безуспешной деятельности заключалась не только в противодействии лам, но и в том, что православное миссионерство, которое видело в английских миссионерах нежелательных конкурентов, добилось от царского правительства приказа, которым предписывалось всех обращенных англичанами в христианство передавать православной церкви (Erman. Reise. II, 172). Не имея успеха в деле проповедничества, английские миссионеры занимались изучением бурят-монгольского языка и переводом на этот язык книг „священного писания".

Таким образом в первой половине XIX в. ламство, только что подавив шаманство и не встречая себе сопротивления со стороны еще неокрепшей пока православной миссии, могло считать свое положение довольно устойчивым, что имело своим результатом накопление богатств у верхушки ламства на основе эксплоатации широких масс населения, усиленное строительство дацанов, расширение кадров ламства и т. п.

Этот период истории ламаизма в Бурят-Монголии нашел свое отражение и в записях путешественников описываемой эпохи.

Эрман во время своего проезда через Селенгинский район

(в феврале 1829 года) получил от хамбо-ламы[1] приглашение посетить его. Эрман заехал в Гусиноозерский дацан, резиденцию хамбо-ламы. Гость был встречен оркестром ламской музыки. Эрман описывает наружность хамбо-ламы. „Он был чрезвычайно тучен, вследствие чего каждое движение было для него очень трудным. Несмотря на это, черты его смуглого лица и его осанка носили отпечаток известной культурности. Хамбо-лама имел на себе большую золотую медаль, пожалованную ему русским правительством[2]. Собеседование между хамбо-ламой и Эрманом велось главным образом на темы, относящиеся к ламаизму. „Мы говорили еще о космографических астрономических воззрениях ламства,—пишет Эрман;—хамбо-лама был отчасти согласен с высказанным нами положением, что звезды неподвижны, а движется земля, но сказал, что, по мнению буддистов, земля стоит неподвижно на спине слона; ламы признают движение солнца и звезд только кажущимся".

Кроме общих рассуждений о ламаизме, разговор коснулся вопроса о монашеских обетах, ламстве. „Хамбо-лама сделал недовольное лицо,—пишет Эрман,—когда я признал очень неудачным обет безбрачия. Потом я узнал от русских, живших по соседству с хамбо-ламой, что его обвиняют в тайной любовной связи и что поэтому мою неуместную шутку он мог принять за намек... Подозревали даже, что лама, который уже был назначен в приемники хамбо-ламы и которого тот выдавал за своего племянника, на самом деле был его сыном. Поразительное сходство этих двух людей, а также наклонность более молодого к тучности, повидимому, подтверждали это подозрение".

Как известно, высшее ламство, а также тайши, вообще бурятское нойонство старалось использовать всякий удобный случай для демонстрирования своей лойяльности русскому царю. Так было и при посещении хамбо-ламы Эрманом. При прощании с гостем хамбо-лама высказал свои верноподданические чувства по отношению к царю и просил Эрмана „по возвращении в Петербург доложить государю, что буряты усердно, как только умеют, возносят за него молитвы богу" (Reise. II, 160—162, 170).

Отмеченная Эрманом черта жизни ламства—невыполнение обета безбрачия—обратила на себя внимание и других путешественников. „Духовные у бурят,—пишет Мартос,—ведут жизнь безбрачную, но для домашнего порядка имеют ключниц: множество ключей от сундуков, привешанных к их поясу, позволяют им во всей силе слова называться ключницами". Такую „ключницу" Мартос видел и в доме хамбо-ламы (письма о Восточной Сибири, с. 76).

---

[1] Хамбо-ламой в то время был Данзан-Гаван-Иши-Замсуев.

[2] Эта медаль была пожалована Иши-Замсуеву „за распространение хлебопашества". Сборник материалов по истории Бурятии. В-Удинск. 28, с. 32.

Характеризуя нравы забайкальских бурят, Эрман указывает, что „здешние кочевники сами по себе добропорядочны и честны, но их нравы подвергаются порче со стороны лам, которые составляют более 1/6 всего числа ламаитов. Именно „безбрачие“ лам имело самые неблагоприятные последствия, так как „святые желтошапочники“ совращали девушек не только в своих юртах, но и использовали для этой цели также и здания храмов“ (Reise. II, 173).

В другом месте Эрман приводит, очевидно, со слов лам, религиозно-философское „обоснование“ их отношения к женщинам. „По буддийскому вероучению,—пишет он,—особенно святым делом для лам является пребывание их вблизи красивых и богато одетых женщин и достижение—путем страстного их созерцания—желательной степени бесстрастия“ (Reise. II, 196).

Сведений об эксплоатации ламами масс у путешественников рассматриваемой группы—очень мало: только Паршин отмечает, что „ламы совершенно владеют умом народа и живут праздными трутнями“ и что „кумирни имеют свою канцелярию и имение, заключающееся в скоте и в деньгах от вкладов“. (Поездка в Забайкальский край, сс. 48, 50). К этому сообщению следует добавить, что накопленные денежные суммы ламы раздавали в ссуды нуждающемуся в деньгах населению, взимая за это ростовщические проценты.

Заслуживают внимания сообщаемые путешественниками сведения о тогдашних монголоведных работах, производившихся на протяжении первой половины XIX века в восточной (забайкальской) части Бурят-Монголии. Работы эти связаны преимущественно с именем Александра Васильевича Игумнова, проживавшего сначала в Верхнеудинске, затем в Иркутске. Так как жизнь и научные работы Игумнова освещены в литературе скудно, то приведем относящиеся сюда сведения, которые имеются у путешественников рассматриваемой группы.

Миллер, проезжавший через Верхнеудинск в 1811 году, сообщает, что он познакомился там „с одним знатоком монгольской литературы; он живет здесь в философском удалении от света, занимаясь переводом на российский язык биографии Чингисхана“ (Путешествие Миллера—„Дух журналов“, 1816 г., ч. XIII, кн. 27, с. 102/22).

Более подробные сведения об Игумнове находим в описании путешествия Эрмана. Эрман встретился с Игумновым в Иркутске в 1829 году в доме М. Н. Муравьева,—декабриста, сосланного в Восточную Сибирь и затем получившего должность иркутского городничего. „Игумнов родился,—пишет Эрман,—в русской деревне. Проживая вблизи бурят, Игумнов еще в юности изучил монгольский язык, как второй материнский язык. Состоя переводчиком при словесных и письменных переговорах (русских пограничных властей с монголами), он делил свою деятельность между службой и научными исследованиями. которые

он, будучи уже в преклонных летах, продолжал с большим старанием. Теперь (писалось в 1829 году—В. Г.) этот уважаемый ученый работает над русско-монгольско-санскритским словарем". Игумнов занимался также подготовкой монголоведческих кадров: под его руководством изучали монгольский язык—„по первоисточникам",—командированные в Забайкалье специально для этого изучения (Казанским университетом) знаменитые впоследствии монголовед О. М. Ковалевский и синолог[1] А. В. Попов.

Преподавательская деятельность Игумнова была довольно широкой. За 10 лет до описываемого времени, в 1818 г., Игумнов создал в Верхнеудинске школу, в которой он обучал детей бурятских тайшей и других родоначальников русскому языку, а детей русских купцов—монгольскому.

Со времени приезда в Забайкалье английских миссионеров Игумнов прекратил эту преподавательскую работу, передав ее этим миссионерам, которые настолько изучили русский и монгольский языки, что смогли продолжать обучение этим языкам, начатое Игумновым.

Один из английских миссионеров Юпль обучал несколько человек из селенгинских бурят также и латинскому языку. Эрман видел у Юпля законченную рукопись учебника геометрии и тригонометрии на монгольском языке. В учебнике было много примеров для вычисления, написанных монгольскими цифрами. Для использования этого учебника оставалось добавить монгольские таблицы логарифмов и напечатать весь учебник. В 1829 г. Юпль занимался также составлением монголо-английского и манчжуро-английского словарей (Reise. II. 80, 172, 173).

Развитие монголоведных изучений на территории Бурят-Монголии само по себе свидетельствовало о повышении интереса к монгольским народам, в частности к бурятам, и послужило толчком к развитию тяги к учению и среди самих бурят. Навстречу этому стремлению к учебе шли школа Игумнова и затем ее продолжение—школа английских миссионеров. Но в эти школы попадали исключительно дети нойонства и то единицами, да и самая учеба носила узкий, лингвистический уклон. Поэтому Геденштром был вполне прав, когда писал, что „буряты по сие время (писалось в 1821 году. В. Г.) стоят на низшей степени образованности, нежели того ожидать можно от страны их и способов к приобретению". Выражая иносказательно ту мысль, что русское правительство намеренно задерживает развитие образования у бурят, тот же автор указывал, что бурят „можно уподобить сиротам, которых младенчество их опекуны стараются продлить всеми силами" (Отрывки о Сибири, с.с. 68, 69). И все же несмотря на все старания „опекунов" стремление „сирот" к образованию постепенно начинало пробивать себе пути. Так, в 1806 году при главной конторе хоринских бурят

[1] Исследователь китайского языка и литературы.

было открыто училище, в котором, по сообщению Миллера, обучалось 20 мальчиков русскому и монгольскому языкам. Смотрителем училища и учителем монгольского языка был „титулярный советник" Донжин Доржиев—„из природных бурят". („Дух журналов", 1816 г., стр. 28/166).

Заканчивая этим обзор сообщений о бурят-монголах группы путешественников первой половины XIX века, мы выделяем в особый очерк сведения о них, приведенные в описании путешествия по Бурят-Монголии знаменитого лингвиста Кастрена.

Кастрен, Матвей Александрович (1813—1852), знаменитый лингвист, ученый путешественник, уроженец Финляндии. В 1845—1849 гг. совершил научное путешествие по Сибири. Описание путешествия Кастрена издано в 1856 г. в Петербурге на немецком языке „Reiseberichte und Briefe aus den Jahren", 1845—1849 (Путевые сообщения и письма. 1845—1849 гг.), а в 1860 г. на русском языке в Москве („Магазин землеведения и путешествий", Географический сборник Николая Фролова, т. 6. Собрание старых и новых путешествий, ч. 11).

Путешествие Кастрена по Бурят-Монголии относится к 1848 году. Во время этого путешествия Кастрен не только изучал бурят-монгольский язык, но занимался также исследованием вопросов этнологии бурят-монголов. Лингвистический материал по бур.-монг. языку был обработан им в сочинении „Versuch einer Burjatischen Spachlehre". „Опыт грамматики бурятского языка".

По свидетельству академика Владимирцова этот „блестящий труд Кастрена намного опередил монголоведные работы той эпохи. Монголоведение в течение последующих за составлением работы Кастрена 50-ти лет оказалось неспособным принять исследования финского ученого и оценить его должным образом" (Владимирцов. Кастрен-монголист—в сборнике „Памяти М. А. Кастрена". Изд. Академии Наук СССР. Л. 1927, с. 92).

Путешествие Кастрена по Бурят-Монголии относится к 1848-му году. Таким образом сообщения Кастрена рисуют нам хозяйство и быт Бурят-Монголии, какими они являлись спустя лет 20—25 после периода, характеризованного Геденштромом, Эрманом, Кохрэном, Мартосом и Паршиным.

Остановимся прежде всего на высказываниях Кастрена о этнографической и лингвистической близости различных туземных народов Сибири к бурятам. Эти высказывания тем более заслуживают внимания, что основаны на глубоком изучении языков этих народов.

Говоря о коттах, Кастрен указывает, что в 1848 году они жили по р. Уде (Нижней) вместе с бурятами в деревне Бадарановке. До этого котты жили на р. Бирюсе и тогда променяли свой родной язык на бурятский. В 1848 г. они, как и

сами нижнеудинские буряты, представляли из себя полурусских, полумонголов. Коттов в то время было только 11 податных душ. („Путешествие", с. 427).

Во время пребывания своего в Нижнеудинске Кастрен занимался монгольским и карагасским языками, причем изучение монгольского языка он считал необходимым „для разузнания помесей, происшедших от столкновения бурят с самоедскими и остякскими племенами". С той же целью Кастрен изучал два бурятских рода, живших тогда в Нижнеудинском округе: род Карагас или Maldjer и род Ульюгут, „о которых все говорили, что прежде они состояли из карагасов". По словам Кастрена, карагасов легко принять за монголов, так как они живут в ближайшем соседстве с бурятами и до последнего времени находились под бурятским господством[1]. И на самом деле многие из них свободно говорят по-монгольски, но настоящий язык карагасов—тюркский (там же, с. 429).

Во время своего пребывания в Нижнеудинске Кастрен усиленно занимался чтением книг на монгольском языке и, как он шутливо сообщал в письме к Раббе,—„углубился сажен на пятнадцать в монгольскую премудрость" и „воссылал на монгольском языке молитвы совершеннейшему будде" (Путеш., с. 431).

Кастрен отмечает между прочим ассимиляцию бурятами сойотов тункинского края. „Так как тункинские сойоты составляли только один род,—пишет он,—то и принуждены были брать себе в жены бурятских женщин и через то усвоили себе нравы и образ жизни бурят. Степные сойоты чистые буряты; горные же сохранили еще кое-что из нравов и обычаев отцов своих. Все сойоты—теперь поклонники лам и говорят по-бурятски" (Путеш., с. 433).

В описании своего путешествия Кастрен дает картины экономического и социального расслоения среди бурят.

Различие между богатыми и бедными видно было прежде всего в типах жилищ. Бедняки в большинстве случаев круглый год жили в войлочных юртах, и даже в шалашах, сделанных из бересты и покрытых хворостом и сеном. Для скота иногда строилась жалкая закута, но обыкновенно ограничивались простой не покрытой изгородью.

Кастрен дает, с другой стороны, описание домашней обстановки богатых и знатных бурят того времени. В юртах богачей вся левая сторона от входа установлена дорогими сундуками, стоящими один на другом. В сундуках хранятся соболиные меха, дорогие ткани, праздничная одежда. На правой стороне — полки, установленные блестящими самоварами, кастрюлями, кофейниками и другою кухонною посудой, которая стоит тут только для показу. Против входа—диван из мягких войлоков,

[1] Речь идет о взаимоотношениях бурят и карагасов в эпоху до завоевания бурятии царизмом. В. Г.

покрытый красным сукном или другой дорогой материей. Перед диваном красуется сонм буддийских божеств и тут же лежат употребляющиеся при богослужениях им трубы и литавры. По обеим сторонам дивана—седла, украшенные серебром, старинные ружья с отделанными серебром прикладами, мечи с серебряными рукоятками, серебряные кружки, нарядно-изукрашенные луки, стрелы, панцыри и т. п. „В некоторых юртах я замечал, к немалому удивлению,—пишет Кастрен,—что столбы, поддерживающие крышу и ежедневно покрывающиеся копотью от дыма во время топки, выкрашены синею краскою и сверх того украшены тонким орнаментом из серебра". (Путеш.; 447).

Переходя к описанию одежды бурят, Кастрен замечает, что в отношении будничной одежды между богатыми и бедными нет различий: и те и другие довольствуются козьей или бараньей шубой. Но в торжественных случаях богатые буряты одеваются в халаты из тонкой шелковой материи, отороченные дорогими темными соболями. В женском наряде бросается в глаза множество разноцветных камней, жемчуга, золотых и серебряных украшений, которые не только покрывают шею и руки, но и висят во множестве на платье везде, где только можно прицепить их" (там же, с. 448).

Подводя итоги своим наблюдениям, Кастрен сжато и ярко характеризует имущественное неравенство и социальное расслоение у бурят в половине XIX века. „У бурят богатый окружает себя блеском и великолепием, тогда как бедняк влачит бремя жизни в трудах и заботах, со слезами и стоном. Бедный бурят живет обыкновенно в дымной, дырявой войлочной юрте, плохо защищающей его от зимних бурь. В этой юрте его движимое имущество состоит из нескольких деревянных сундуков, горшков, кадок и берестяных плетушек, ветхих войлоков и т. д. Что касается одежды, то бедный бурят ограничивается одной только овчинной шубой; она служит ему зимой и летом, в морозы и в жару, в дождь и в ясную погоду. Если летняя жара уж слишком велика, бурят снимает шубу, выставляя свое тело на жертву комарам, оводам и осам". (Путеш. 448).

Относительно главного богатства бурят—скота Кастрен сообщает, что „в редких случаях бурят бывает настолько беден, что не имеет нескольких коров и овец, ибо при неимении их ему нечего было бы есть, не во что одеться и ему пришлось бы итти в ненавистное ему батрачество" (там же, 448). Архивные материалы XVIII и XIX веков опровергают это сообщение Кастрена: они свидетельствуют о том, что уже в половине XVIII века среди бурят было много бесскотных, вынужденных наниматься в батраки к своим богатым соплеменникам или к русским (см., напр., серию архивных материалов „Дела бурятские", хранящихся в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи (Москва). В XIX веке этот процесс отде-

ления части скотоводов-бурят от средств производства еще более углубился.

Идеализацией экономического благосостояния бурят является и сообщение Кастрена о том, что „чашка кирпичного чая, сваренного с молоком, стегно жареного барана, сыр и молоко готовы для всякого в каждой юрте“ (Путеш. 452). Такое угощение гость мог получить, конечно, только в юрте богатого бурята.

Такое неправильное представление создалось у Кастрена потому, что во время своего путешествия по Бурят-Монголии он останавливался преимущественно у богатых бурят—у тайшей, зайсанов и других нойонов, а также у лам высших степеней. Так, путешествуя по территории Селенгинского „ведомства“, Кастрен посетил тайшу селенгинских бурят Ньендака Вампилова. Вампилов, как это было в обычае и у других бурятских тайшей, имел составленную им самим автобиографию, или точнее, послужной список с перечислением своих „родовых достоинств“, а также наград, полученных от русского правительства за различные „заслуги“. В автобиографии Вампилова указывалось, что он „в седьмом колене происходит от знаменитого монгольского владельца Барас Багатур-тайши-Тзакира, что он чиновник 12-го класса, глава всех бурят Селенгинского округа и корреспондент Казанского университета,—что он на свой собственный счет построил великолепный дацан,—что за многочисленные его заслуги отечеству вообще и бурятам в особенности он удостоен золотой медали и других наград, исчисление которых занимало целый лист“.—„Все это можно узнать только из бумаг,—замечает Кастрен,—потому что сам Ньендак—олицетворенная бурятская скромность, он не гордится своими 7-ью предками, своими 17-ью титулами, не величается своими заслугами“ (с. 446). Правда, уже наличие такой „автобиографии“ опровергало мнение Кастрена о скромности тайши. Зато вполне правдоподобно звучит сообщение Кастрена о том, что Вампилов „занимается весьма серьезно упрочением своего хозяйства и бдительным надзором за табунами“ (там же).

Однако, несмотря на свои богатства, Вампилов в одежде не отличался от других бурят: он ходил в овчинной шубе и лишь в торжественных случаях надевал поверх шубы шелковый халат.

Жилищем ему служила—летом войлочная юрта, а зимой—обыкновенный бурятский домик, но рядом с собственным жильем тайша построил красивый дом „для приема знатных гостей“.

Кастрен отмечает между прочим, что Вампилов „вполне преданный обычаям и вере своих отцов, хорошо знаком с монгольской литературой, составил себе отличное собрание монгольских религиозных сочинений, и собрание это доступно всякому любителю словесности“ (с. 446). Кастрен в течение 2-х недель имел возможность пользоваться этими „литературными сокровищами“.

Во время своих поездок по Селенгинскому округу Кастрен посетил также и тогдашнего главу ламайского духовенства Бурят-Монголии бандидо-хамбо[1], имевшего свою резиденцию при Гусиноозерском дацане. Прием Кастрена происходил в особой комнате в двухэтажном доме, где жил хамбо-лама. Одетый в красную мантию, хамбо-лама сидел в кресле, обтянутым красною шелковою тканью, и, как описывает Кастрен, „поглядывал вокруг себя так гордо, как будто он—само божество. В почтительном отдалении стояли разные низшие ламы и внимательно слушали веления своего главы". Хамбо-лама был не слишком силен в русском языке и потому говорил с гостем через переводчика, которым служил один из лам.

Разговор шел о превосходстве буддийской религии перед всеми другими. Превосходство это хамбо-лама основывал „на глубокой древности буддизма, на богатой литературе и на строгой нравственности поклонников этого учения". От христианского священника, говорил он, требуется только поверхностное знание немногих евангелий и посланий, несколько псалмов и молитв; монгольский же лама должен знать ганджур, данджур[2] и многие другие книги, что вместе составляет сотни томов. При этой беседе, как заметил Кастрен, хамбо-лама, говоря о превосходстве ламаизма над другими религиями, касался главным образом „внешних его предписаний", избегая всего, относящегося к основным положениям ламаизма. Ту же осторожность он соблюдал, когда заходила речь об астрономии и медицине. Об исторических же предметах он говорил весьма свободно: рассказал много чудес о Чингисхане и о камне китайского императора, который (камень) якобы „предсказал", что белый хан завоюет китайское царство до Пекина и т. п. (Путеш., 443—444).

Относительно ламства Кастрен сообщает, что „ламы встречаются здесь (т. е. в восточной Бурят-Монголии. В. Г.) на всех углах и перекрестках. Вычислено,—пишет он,—что у селенгинских бурят почти каждый четвертый человек—духовного звания. Можно было бы пожалуй сказать, что это уж и чересчур много, но пока образованность бурят будет исключительной принадлежностью лам, почти нельзя не пожелать, чтобы и все (буряты) были духовные". „Скверно только то,—замечает Кастрен,—что монгольское племя могло бы подвергнуться совершенному уничтожению, потому что сакьямуни (будда) положительно воспрещает ламам брачные связи". Но сам же Кастрен опровергает такой пессимистический взгляд на судьбу бурят-монголов, иронически указывая, что, несмотря на ламские обеты безбрачия, „небо благословляет именно бурятских лам

---

[1] Чойван Доржи Ишизамсуев.

[2] „Священные" книги ламаитов.

многочисленным потомством, но при существующих отношениях им не трудно сваливать вину этого на мирян". (Путеш. 452).

Подобно другим путешественникам, Кастрен в преувеличенном виде изображает ученость лам и их искусство врачевания. „Врачебную мудрость,—пишет он,—черпают ламы из тибетских источников, а лекарства выписывают из Пекина. Наиболее известные из этих „врачей" имеют небольшие клиники, в которых преподают медицину своим ученикам. Как ни недостаточно это преподавание, бурятские врачи, по словам Кастрена, пользуются однако же всеобщим доверием, и к их помощи прибегают и образованные, и необразованные, и русские, и туземцы" (там же, с. 453).

Конечно, такое изображение „тибетской медицины", основанной на шарлатанстве, было далеким от действительности и объяснялось это тем фактом, что в описываемый период медицинская помощь, основанная на изучении европейской медицины, ни туземному, ни русскому населению Сибири почти совершенно не оказывалась.

Особо отмечает Кастрен тот факт, что „в состав образования лам входят и некоторые виды искусства: каллиграфия, рисование и книгопечатание", причем существование книгопечатания „в этой варварской стране" он считает „весьма замечательным". „Умение вырезывать деревянные доски, приготовлять краску для печатания и оттискивать вырезанное на досках—обязанность лам. Напечатанные здесь книги—величайшая редкость". (Путеш., 453).

Заканчивая свое письмо, в котором он излагает вышеприведенные сведения о ламстве, Кастрен пишет в шутливом тоне: „здоровье мое плохо, но я надеюсь, что бурятские жрецы восстановят его своими небесными снадобьями" (с. 454).

В заключение этого обзора высказываний Кастрена о бурят-монголах, следует подчеркнуть, что этот великий ученый-лингвист ближе всех других путешественников подошел к широким массам туземного населения Сибири, в частности к бурят-монголам. Пребывание в городах Сибири его тяготило. Сообщая в письме из Иркутска (март 1848 года) о том, что он скучает там среди людей „с холодной кровью и узким сердцем", Кастрен писал: „рвусь в какой-нибудь бурятский или тунгусский улус" (Путеш., 435).

ГЛАВА IV

Великодержавно-шовинистические тенденции в высказываниях и сообщениях путешественников

Во введении к настоящему очерку было указано, что часть сообщений путешественников изображает действительность в искаженном, фальсифицированном виде. Там же были отмечены и причины, вызвавшие эти искажения,—классовые воззрения путешественников, „научные" концепции эпохи, в которую они жили, и, наконец, характер задач, которые ставились путешественникам русским правительством. Сообщения путешественников о колониях российской империи должны были послужить материалом, оправдывающим завоевание русскими Сибири, в частности Бурят-Монголии: это завоевание необходимо было изобразить, как насаждение российским военно-феодальным государством культуры среди сибирских „дикарей". Наконец, нужно было показать, что эта культуртрегерская задача российским правительством успешно выполнена и что сибирские туземцы благоденствуют и чувствуют себя счастливыми под эгидой царизма.

Но обусловленные указанными причинами искажения действительности, которые мы встречаем у путешественников, не могут служить основанием для того, чтобы все сообщения путешественников о сибирских народностях, в частности о бурят-монголах, были целиком и огульно отброшены без использования их при историческом изучении. Такой прием стоял бы в резком противоречии с марксистско-ленинской методологией научного исследования. Говоря о том, как марксисты должны относиться к научным работам буржуазных исследователей, этих „ученых приказчиков класса капиталистов", В. И. Ленин писал: „Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими приказчиками"... *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов". (Сочинения Ленина, XIII, с. 280. Курсив подлинника).

Таким образом и тенденциозные сообщения путешественников о бурят-монголах должны быть подвергнуты критической проработке с точки зрения установления сущности этих искажений, причем из такого рода сведений должно быть вылущено то ядро соответствующих действительности фактов, которое может и должно быть использовано для исторического изучения. Попытка выполнить такую задачу по отношению к сообщениям путешественников о бурят-монголах и является предметом настоящей главы.

Значительная доля искажений в данном случае объясняется также ложностью основной концепции, которую встречаем у путешественников. Эта концепция заключается в том, что каждый из народов земного шара является как бы „приписанным" к той или иной „расе", причем различаются расы „высшие", якобы более даровитые и способные к умственному развитию, и расы „низшие", якобы вовсе неспособные к такому развитию или, в лучшем случае, способные лишь в самой незначительной степени. Все народы разделяются соответственно этому на две группы: 1) „культурные", „исторические", „письменные" („высшей расы") и 2) „не-культурные" и „неисторические", „бесписьменные" („низшей расы"). Эту так называемую „расовую теорию" буржуазные ученые, в особенности фашисты проповедуют, несмотря на то, что масса собранного фактического материала свидетельствует о том, что никаких „высших" и „низших" рас не существует, и что культурное развитие того или иного народа зависит не от принадлежности его к той или иной расе, а от социально-экономических условий, в которых развивалось его историческое существование.

Высказывания путешественников, о которых шла речь в предыдущих главах, говорят о том, что в основе их научных воззрений лежала именно расовая теория.

„Не все народы,—писал Кастрен в своем сочинении „Ethnologische Vorlesungen". („Этнологические лекции")—имеют историю в высшем смысле этого слова. История таких народов и есть этнография" [1].

Паллас указывает, что „буряты, являющиеся народом еще некультурным... не имеют никаких письменных документов в своем прошлом и сохранили о нем только некоторые смутные и разрозненные предания". (Sammlungen. I. 15).

Такая концепция является основой для высокомерно-пренебрежительного отношения ко всем народам, относимым сторонниками расовой теории к категории „некультурных", в частности к туземным народам Сибири, в том числе к бурят-монголам. Так, Мартос и Паршин во многих местах описания своих

[1] Цитировано по книге „Памяти Кастрена". Изд. Академии Наук СССР. Л. 1927 г., с. 49.

путешествий называют бурят „дикарями". В соответствии с подобными воззрениями путешественники рисуют и психический склад бурят, их способности к умственному развитию и образ жизни. „Народ сей (буряты),—пишет Георги,—предпочитает всему любострастное и бездейственное спокойствие. Разум их косен и рассуждение весьма слабо; буде и солгать хотят, то врут нескладно; в воровстве, к коему многие из них имеют склонность, легко обличаются. Во всех своих поступках неосновательны, робки и недоверчивы, в делах же медлительны и неповоротливы". (Описание, ч. IV, с. 26).

Следует однако подчеркнуть, что известная доля научной добросовестности академических путешественников заставляла их давать сведения другого рода, которыми опровергались такие явно-тенденционные сообщения их товарищей. Но автор, вносивший такие необходимые поправки, не долго удерживался на своей позиции и через несколько страниц высказывался, в противоречие с самим собой, в духе тех же сообщений, которые он только что опровергал. Отсюда—крайняя противоречивость в высказываниях не только различных путешественников, но часто—одного и того же. Так, например, Паллас, как бы опровергая вышеприведенные высказывания Георги о психических свойствах бурят, пишет, что народы монгольского племени „имеют природный ум, хорошую память и большие способности ко всякому учению" (Sammlungen. I. 103). Но картина быстро меняется: в том же сочинении Палласа встречаем следующие высказывания о бурятах: „буряты... из всего монгольского племени являются самыми грубыми, простоватыми, трусливыми и в то же время самыми неотесанными и неопытными" (там же, с. 172). Вывод, который напрашивался из таких сообщений, был таков: хорошо сделало российское царское правительство, что завоевало этих „дикарей": оно сделает их учтивыми, просвещенными, культурными и т. д.

Но для оправдания колониальной политики царизма было недостаточным изобразить бурят в виде дикарей. Нужно было противопоставить физической, якобы. расовой, слабости туземцев „мощь" и „удальство" русских завоевателей Сибири. „Наружность этого народа (бурят) очень женственна („weibisch"),—пишет Паллас,—кроме того, буряты—небольшого роста, и так слабосильны, что 5 или 6 бурят, работая изо всех сил, не справятся с тем, что может сделать один русский". (Sammlungen. I. 71). Почти то же самое сообщает Георги. (Описание, 26).

Из обще-человеческих психических свойств доминирующим у бурят путешественники считают... леность. Эта пресловутая „леность" служит отмычкой при объяснении почти всех явлений, причину которых не может найти тот или иной путешественник, причем эта „леность" ставится в связь с якобы беззаботной жизнью кочевников. „Склонность к праздности,—пишет Паллас,—обычна и естественна у всех азиатских народов

(в особенности у мужчин), которые ведут беззаботный и бездеятельный образ жизни" (Sammlungen, I. 102).

Оказывается, что буряты занимаются охотой в меньших размерах, чем их соседи-тунгусы, единственно „по своей лености" (Георги. Описание. 29). Даже наличие у бурят чесотки находит себе объяснение в той же лености. Стремление объяснять различные стороны бурятского хозяйства психическими свойствами и якобы врожденными склонностями бурят очень часто встречается на страницах описаний путешествий. „К земледелию они (буряты) совсем не склонны,—пишет Георги,—но к кочевой жизни столь страстны, что отстать от оной не могут, почему весьма мало пашут". (Описание, с. 29).

Великодержавно-шовинистическое отношение путешественников к бурятам выражается не только в изображении их в виде ленивых дикарей, в высокомерно-пренебрежительной характеристике их физического облика и психического склада, но и в особой концепции истории завоевания Бурят-Монголии царизмом. Наиболее ярко эта концепция изложена в книжке Мартоса „Письма о Восточной Сибири". Сообщения о своем путешествии автор переплетает там с обширными экскурсами в область истории завоевания туземных племен Сибири, в том числе и бурят.

Проезжая мимо так называемого Посольского монастыря, построенного на берегу Байкала на том месте, где был бурят-монголами убит в 1650-м году царский посол Заболоцкий, Мартос предается воспоминаниям об этом событии. Заболоцкий и его спутники, пишет Мартос, „были вероломно умерщвлены... зверями хищными, коим царь России явил знаки дружелюбия" (письма о Восточн. Сибири, с. 127). Называть „знаками дружелюбия" разгром царскими отрядами бурятских улусов и истребление их населения можно было только при расчете на полную неосведомленность читателей в вопросах истории завоевания Сибири. „Убитые здесь, — пишет далее Мартос, — купили ценой своей крови право мести, которая даровала государству весь край между морем (оз. Байкал. В. Г.) и китайскими пределами" (там же). Развивая далее свою мысль, Мартос восклицает: „Какое величественное, полезное для государства мщение усматриваем в поступках россиян. Теперь они видели, сколь ненадежно полагаться на злобных, свирепых дикарей и решились стать стопами твердыми среди тунгусов, бурят, монголов и других племен... и лишить сии племена звания самобытных народов" (письма о Вост. Сибири, с. 213).

Захват российским военно-феодальным государством Прибайкалья и Забайкалья рассматривается у Мартоса таким образом, как „необходимая и справедливая месть свирепым дикарям". Такова „историческая концепция" Мартоса.

Однако при всем своем шовинизме Мартос должен был признать, что сибирские туземцы, „ревнуя свободе, всюду ока-

зывали кичливое сопротивление иноземцам, беспрестанно сражались и при неудаче стремительно уходили в тайгу", и что завоеватели „были одолжены удачею не столько храбрости, как своему огнестрельному снаряду" (там же, сс. 187, 193).

В полном соответствии со своей концепцией истории русского завоевания Сибири, Мартос считает период этого завоевания „после славной эпохи Чингиса... другой славнейшей эпохой", которая ознаменована „совершенным порабощением племен, кочующих в обширных областях от Байкала до рубежа государства Китайского и Зюнгарии (Джунгарии)" (там же, с. 208). Известного Похабова, прославившегося своими погромами бурятских улусов и своей жестокостью по отношению к бурятам, Мартос считает „заслуживающим быть внесенным в небольшой почетный список настоящих людей государственных" (с. 210).

Переход сибирских туземцев под власть российской державы был для них, по мнению Мартоса, весьма благотворным: „свирепые дикари" превратились в „детей природы"; под эгидой царской власти они приобрели взамен своей независимости „покой, тишину и покровительство законов; там, где свирепствовала опустошительная война, явилось возможное для человека счастье" (с. 216).

Идиллические описания благополучия, якобы разлившегося среди туземцев Сибири после того, как они превратились в население царской колонии, встречаются почти у всех путешественников, причем это благополучие рисуется при помощи общих характеристик, затушевывающих те отрицательные стороны быта туземцев, которые были отмечены самими же путешественниками.

Георги сообщает, что в период завоевания буряты „часто уклонялись от повиновения", но после того, как на их землях были построены „шанцы[1] и остроги", они живут „без дальнейших принуждений, смирно и с подданической послушностью" (Описание. IV, с. 24). „Начальникам (буряты) весьма послушны и всем почти довольны... Все буряты платят весьма малую подать (албан) наличными деньгами" (там же, сс. 26, 28). В другом своем сочинении Георги сообщает, что „климат (Бурят-Монголии) здоров и дает людям... возможности достигать глубокой старости... Земля настолько плодородна, а повинности и подати так незначительны, что каждый мужчина может вступить в брак и жить с семьей без нужды" (Bemerkungen, 503). Приведенные в предыдущих главах данные, взятые из описаний путешественников, свидетельствуют о том, что подати и повинности, возложенные на бурят, как на колониальное население, были, наоборот, чрезмерно высоки и тяжелы и что буряты-бедняки, не имея возможности уплатить калым за жену, вынуждены были оставаться безбрачными.

---

[1] Шанцы — укрепления.

По сообщению Гмелина „бурятская народность, вообще говоря богата" (Reise. I. 309), хотя путешественники приводят целый ряд фактов, характеризующих резкое имущественное неравенство среди бурят, и поэтому можно было говорить о богатстве только бурятской верхушки.

В результате таких идиллических характеристик, получался образ „счастливого дикаря", известный по описаниям буржуазных путешественников и этнографов. Тот самый Мартос, который называл бурят „свирепыми дикарями", однажды во время своего проезда через Селенгинское ведомство, увидевши, как буряты „медленно и беспечно гнали в свои заплоты стада баранов" впал в „философское" настроение и начал размышлять на тему о человеческом счастье на земле. Обладателями такого „счастья" оказались... буряты. „Как немного потребно для человека, чтобы быть счастливу,—пишет Мартос,—удаленные от обществ, чуждаясь искусств благодетельных, сии потомки воинственных монголов, имея небольшой кров от непогоды, окруженные местами одичалыми, владея несколько десятками баранов,—совершенно благополучны" (Письма о Вост. Сибири, сс. 54—55).

Паршин, писавший в 30-х годах XIX века. также рисует картину „благоденствия" туземцев Сибири. По его словам, сибирские туземные народности—„не в пример американским, истребленным европейцами,—живут, благоденствуют под кроткой десницей царя, оставленные на приволье степей сибирских, с их обычаями, верою и правами, и приняты в великое семейство сынов России" („Поездка в Забайкальский край". М. 1844, с. 142).

В предыдущем изложении было приведено достаточно фактов, взятых большею частью у тех же путешественников,—и свидетельствовавших о том, что нарисованная путешественниками картина, на которой „тюрьма народов" была изображена в виде „великого семейства сынов России", совершенно противоречила исторической действительности и возникла в результате стремления путешественников представить хищническо-колонизаторскую политику царского правительства в Сибири вообще и в Бурят-Монголии в частности,—в образе высококультурной и цивилизаторской деятельности.

Среди сообщений путешественников следует особо выделить такие, из которых российское правительство могло почерпнуть полезные для себя сведения, позволявшие ему усилить и углубить эксплоатацию сибирской колонии.

Как известно, одним из способов извлечения из Сибири ценностей был сбор ясака. Ученая разведка в лице путешественников указывала, что под податной пресс царского правительства попали далеко не все сибирские туземцы, в частности не все буряты и эвенки-тунгусы. Так, Георги сообщает, в каких районах следует искать этих, еще не объясаченных, туземцев.

„На наших обширных пространствах около истоков Верхней Ангары, по р. Витиму и за Витимом,—пишет он,—имеется, как утверждают тунгусы, не малое число их соплеменников, которые, проживая неоткрытыми и неизвестными, никогда не облагались ясаком и никогда не были вносимы в списки" (Bemerkungen, II. 245). Последующие распоряжения правительства о принятии строжайших мер против „утайки" ясачноплательщиков говорят о том, что правительство использовало подобные указания путешественников.

Характерным приемом колонизаторской политики в Сибири являлось оттеснение туземцев из речных долин и других удобных мест, на которых были водворяемы русские колонисты,— в тайгу и вообще в места, мало пригодные для развития сельского хозяйства. Этот колонизаторский метод получил одобрение со стороны академика Палласа. В своем „Путешествии" Паллас старается своими советами помочь правительству в расширении сферы применения этого метода по отношению к бурятам.

Установивши при поездке по Селенгинскому району, что русское земледелие там развивается, Паллас приходит к заключению, что при дальнейшем расширении этого земледелия местному русскому населению будет уже тесно и что поэтому необходимо часть проживающих там бурят-монголов „перевести в другие непригодные для земледелия местности, как, например, на песчаные и солончаковые степи по Иртышу и по Барабе". Эти местности, по заключению Палласа, „никогда не могут сделаться пригодными для земледелия" (Reise, III, 274)[1].

Это предложение в духе великодержавно-шовинистического колонизаторства было учтено и, с некоторыми изменениями, частично осуществлено царской администрацией четверть века спустя после издания „Путешествия" Палласа в виде экспроприации в начале XIX века значительной части бурятских земель в долине р. Ингоды (экспедиция Лабы), причем бурятам были оставлены, по выражению официального документа, степи „годные единственно для скотоводства" [2].

Характерно, что Паллас подает, кроме того, правительству еще один совет: организовать на границах Бурят-Монголии войско из забайкальских эвенков-тунгусов для дальнейшей экспансии русского царизма на Дальний Восток (Reise. III, 241).

Критику вышеизложенных взглядов и высказываний академических путешественников XVIII века встречаем у Геденштрома, наблюдавшего жизнь и быт бурят в течение двух пер-

[1] Этим мыслям Палласа „созвучны" взгляды позднейшего академика—Радлова, который писал: „Чудные долины Алтая слишком хороши для кочевников, которые не умеют поднять богатств края" (Aus Sibirien. Leipzig. 1893. I.285).

[2] Указ Иркутского губернского правительства от 18/XII-1815 г.—Материалы Куломз. Комиссии, вып. 5, прилож. № 104, с. 175.

вых десятилетий XIX века, то-есть в эпоху, непосредственно следовавшую за той, которая описана академиками XVIII века.

„Народы сибирские, кочевые и бродячие,—пишет Геденштром,—по описаниям (академических путешественников. В. Г.) определены и стали известны дикарями[1]. Необыкновенная одежда всех сих народов, незнание их языка, странность некоторых обычаев и непродолжительное наблюдение подали повод к сему заключению. Ни те, ни другие не заслуживают такого унижения". (Отрывки о Сибири, с. 9).

Сравнивая свои сибирские наблюдения с описаниями академиков, Геденштром приходит к выводу, что „многое после того изменилось, иное представлено не в настоящем виде, и есть несколько предметов, совсем неизвестных", относительно которых замечания его, Геденштрома, „могут быть полезны" (там же, с. 15). Эти замечания Геденштрома изложены выше, в III главе, и важны в том отношении, что ими засвидетельствованы, в результате продолжительного наблюдения над жизнью бурят, эксплоатация бурятской массы крепостническим государством с одной стороны и бурятским нойонством—с другой.

Но критическое отношение Геденштрома к сообщениям академических путешественников не помешало ему высказывать также великодержавно-шовинистические взгляды на обязанность бурят выполнять для государства тяжелейшие и изнурительные работы в форме натуральных повинностей (см. выше, главу III).

Подобно другим путешественникам, Геденштром изображает положение сибирских туземцев, в том числе и бурят, в розовых красках официального благополучия. В изображении Геденштрома сибирские туземцы—„послушны начальству..., довольны трудною своею жизнью и счастливы по малому своему просвещению" (Отрывки о Сибири, с. 9).

Таким образом Геденштром, который протестовал против изображения сибирских туземцев в виде дикарей, сам рисует слащавый образ „счастливого дикаря".

Но великодержавный шовинизм и высокомерно-пренебрежительное отношение к сибирским туземцам находили свое выражение не только в высказываниях путешественников, но и в их поведении по отношению к туземному населению. Несмотря на то, что буряты и другие туземцы оказывали путешественникам, как признают они сами, гостеприимство и услужливость, последние вели себя среди этих туземцев как „высокие" царские чиновники. Их обращение к туземцам носило характер приказов, а осмотр ими различных предметов в юртах у бурят мало чем отличался от обыска. В свите путешественников было несколько вооруженных солдат, и эта физическая сила пускалась

[1] Разрядка здесь и в последующих цитатах—моя. В. Г.

в ход, если путешественники находили это нужным. Когда Гмелину и его спутникам в Иркутске местные власти нарядили такое количество лошадей, которое путешественники нашли недостаточным, на иркутский базар были посланы прикомандированные к экспедиции вооруженные солдаты, которые захватили там лучших лошадей. „Таким образом мы получили нужное нам количество лошадей", с удовлетворением отмечает Гмелин в своем путевом дневнике (Reise. I, 415). В другом случае, во время поездки по Иркутской губернии те же путешественники, добиваясь скорейшей перепряжки лошадей, применили по отношению к местному сельскому старосте „некоторые острые средства", как выражается Гмелин, а попросту говоря, учинили избиение, и опять-таки Гмелин отмечает, что эти средства, „произвели свое действие" (там же, I. 403).

Характерно также отношение путешественников к шаманизму. Они подходят к нему с точки зрения геолого-рационализма, не пытаясь проанализировать его сущность, как определенного общественного явления в истории человечества. Шаманизм в изображении путешественников—это глупое суеверие,— и только.

По отношению к шаманам путешественники применили некоторые „меры воздействия" (какие именно, не сообщается), в результате которых были случаи отказа шаманов от своей профессии, причем путешественники отбирали у них шаманские одеяния. (Reise. II, 89).

Академические путешественники в своих сообщениях о бурят-монголах выявляют еще одну черту, свойственную буржуазным этнографам. Как известно, одним из социальных заданий буржуазной этнографии являлось и является также и в настоящее время—выявление в религиях так называемых „малокультурных" народов следов монотеизма (единобожия), наличие там таких следов должно было свидетельствовать о том, что всем народам земного шара якобы присуща вера в единого бога и что, следовательно, иудейство и христианство являются основой всех, существующих на земле религий.

Это клерикально-поповская тенденция буржуазных этнографов находит свое отражение и у некоторых академических путешественников. Так Георги в своем „Описании народов" сообщает, что все шаманисты „веруют в общего бога и создателя всех вещей... Они думают, что бог тварь свою любит, всеведущ и всемогущ... Они веруют в одного верховного сатану... Нельзя не признать в нем (шаманизме) некоторых обрядов Моисеева закона: жертвенные огни, жертвоприношения... взяты, конечно, из иудейского закона" (IV, сс. 101, 102, 116).

В этой (IV) главе мы рассмотрели те, относящиеся к бурят-монголам, сообщения и высказывания путешественников, которые не являются результатом объективных наблюдений, а

продиктованы соображениями ненаучного порядка, сущность которых охарактеризована выше. Эти сообщения и известия, не соответствующие действительности, не могут служить историческим материалом.

Комплекс прочих сообщений, подтверждаемых архивными и литературными материалами и составляющих результат наблюдений со стороны людей, которые входили в личное соприкосновение с бурятами на определенных отрезках их исторической жизни, является одной из существенных категорий источников для истории Бурят-Монголии.

Приложение № 1

МЕТОДЫ ЛАМСКОГО ЛЕЧЕНИЯ

(Gmelin Reise durch Sibirien, II, 114—118)

...„Задержавшись на переправе через реку Онон, которая сильно разлилась (август 1735 года), академические путешественники, чтобы использовать время для научных исследований, дали распоряжение вызвать к ним одного ламу, который жил на расстоянии приблизительно 50-ти верст вверх по Онону. Путешественники потребовали (verlangten), чтобы лама к полудню следующего дня привез все, что у него есть по части медикаментов, хирургических инструментов, бурханов и книг.

На следующий день лама приехал.

Так как во всей округе этот лама считается искусным врачом, благодаря чему имеет обильные средства существования, то он уже давно оставил свое ремесло духовного лица и в настоящее время женат и пьет водку, а то и другое запрещено каждому ламе. Он предан буддийской религии и поэтому считает великим грехом есть скотское мясо и мясо рыб, имеющих красный хвост.

Он преподнес профессору Миллеру рукописную буддийскую книгу и платок, украшенный изображением бурханов.

Наилучшими средствами лечения лама считает кровососные банки и прижигания, и если раз сделанная операция не помогает, то он повторяет ее от 10 до 50 раз на всех местах тела, пока больной не выздоровит или пока он не умрет.

У него имеется большая медная кровососная банка вместимостью приблизительно в 16 унций. Разредивши, посредством огня, воздух в этой банке, он накладывает ее на то место тела, на котором предполагает пустить кровь и наблюдает за тем, чтобы это место правильно втягивалось банкой до известной высоты. Если после первого наложения банки этого не происходит, то он накладывает банку несколько раз. Затем лекарь намечает жилу, видимую на этом месте тела, кладет на нее тонкий кусочек дерева с проделанной в нем щелью, которая приходится как раз против жилы. Это делается для того, чтобы перетянуть жилу.

Затем из имеющихся у него многочисленных железных ланцетов различной величины (соответственно различию жил; все эти ланцеты вообще сходны с теми, которые употребляются при кровопускании у лошадей) лекарь выбирает ланцет, соответствующий данному случаю, делает им укол в жилу, опять накладывает банку и выпускает столько крови, сколько возможно. Если выпущенной крови недостаточно, то он делает снова укол.

Прижигания производятся также с большим мучением для пациентов. Сначала ставится банка, затем накладывается скрученный из пуха растения „artemisia“ (чернобыль) короткий и тонкий тампон, в форме цилиндра. Этот тампон зажигается с верхнего конца и должен гореть на теле до тех пор, пока не превратится в пепел.

Этими двумя средствами лама-лекарь лечит от всех внутренних болезней.

Против чесотки и различных накожных болезней он употребляет следующие средства: расплавляет в железной ложке свинец и смешивает с ним, в равном количестве, ртуть, подсыпает такое же количество истолченной в порошок серы, беспре-

станно размешивая все это до тех пор, пока вся масса не превратится в золу, которую он поливает чаем, а затем мажет этим месивом больное место.

Кроме того этот лама славится как превосходный окулист [1], так что все слепые этой местности крепко верят, что получат от него исцеление.

В одних случаях он якобы возвращает слепым зрение посредством прикладывания, всыпания, вдувания в глаза различных медикаментов, в других случаях—путем хирургических операций.

Я проник в тайны всего этого искусства. Лама-лекарь имеет два порошка: один—коричнево-красного цвета, другой—белый. Эти два порошка он употребляет при лечении всех глазных болезней. Первый порошок он называет „руба басэм". (Ruba Basöm). Этот порошок не что иное, как медь с серой, пережженные по ламскому способу в виде извести. Другой порошок состоит из 2-х частей серебра и одной части колокольного металла (glockenspeise), которые расплавливаются, то и другое вместе, в железной ложке. Когда смесь раскалится настолько, что брошенный в нее известный корень, называемый по-индийски „руда", а по-монгольски „мани", зажжется, то смесь беспрестанно мешают железной палочкой до тех пор, пока все не превратится в пепел.

Эти порошки лекарь применяет так: первый он поливает чаем, превращая порошок в жидкость, и назначает ее для вливания в больной глаз в виде капель. Другой порошок, белого цвета, должен быть растворен в женском молоке. Об извести, полученной от пережженной меди, лама-лекарь сказал, что кроме нее нет никакого лучшего средства для того, чтобы выгонять оспу из больного, и что эта известь служит также целебным средством при всех внутренних болезнях, причем выводит из организма вредные элементы то посредством рвоты, то через испражнения, то какими-то другими неизвестными путями.

Из операций лама-лекарь знает только одну—удаление с глаза пленки. При этой операции он пользуется 3-мя инструментами: крючком, иглой и железным ланцетом, который—почти такого же вида как ланцет для пускания крови лошадям, с той только разницей, что здесь при операции используются оба конца ланцета—крючком лекарь подхватывает пленку, иглой—прокалывает ее, а ланцетом—отрезает.

Он приготовляет сам не только медикаменты, но и все нужные ему хирургические инструменты. Таким образом он является одновременно терапевтом, хирургом, аптекарем и кузнецом".

Приложение № 2

КАМЛАНИЕ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ ШАМАНКИ В ВЕРХНЕЙ БОРЗЕ

(Забайкалье)

(Gmelin Reise durch Sibirien, II, 83—89).

В Верхней Борзе к приезду путешественников были вызваны три шамана (тунгусских) и одна шаманка (монгольская).

„Шаманка, даже если бы можно было забыть об ее профессии, была похожа на старую вельму, но считала себя лучше тунгусских шаманов, потому что она была шаманкой монгольской. По ее словам, она уже в Монголии была хорошей шаманкой. Она отличалась от тунгусских шаманов своим одеянием. Кожаное ее одеяние было такого же покроя, как у шаманов, но главное различие заключалось в украшениях. Рогов, которые были принадлежностью костюма шаманов, на одеянии шаманки не было; оно было увешано многочисленными медными пластинками, которые были очень похожи на так называемые „зеркала", которые находят при раскопках старинных могил. Одна сторона этих пластинок была гладкая, а на другой было по нескольку накладных китайских знаков. Сзади на шаманке висело несколько длинных лент и большой железный китайский замок, покрытый ржавчиной. У шаманки был бубен,

---

1) Врач-специалист по лечению глазных болезней. Примеч. переводчика.

шаманы его не имели. Этот бубен состоял из кожи, натянутой на тонкий обруч. Колотушкой бубна служила несколько изогнутая деревянная палка, один конец которой был обит беличьей шкуркой. Как у шаманов, так и у шаманки вместо обычной шаманской шапки был головной убор из нескольких, сшитых крест-накрест лент. При камлании, которое совершали трое шаманов, шаманка била в бубен.

Затем, когда шаманы-тунгусы приступили к лечению одного из участников путешествия, о котором им было заявлено, что он якобы болен, выступила и монгольская шаманка: она после ряда восклицаний и прыжков протянула свою правую руку к левой руке мнимого больного, пощупала ее у того места, где обычно исследуется пульс и долго смотрела на ладонь, как это обычно делают гадальщицы. Ее ответ был довольно хитрым: она сказала, что не могла усмотреть какой-либо болезни.

Все эти дурачества закончились тем, что шаманы и шаманка обещали бросить свое ремесло. В подтверждение этого обещания они предложили нам свои шаманские одеяния, которые мы и купили за хорошую цену".

Приложение № 3

ТАЙЛАГАН У КУДИНСКИХ БУРЯТ

(Gmelin Reise durch Sibirien, III. 21—26).

Вскоре по приезде в Иркутск (на обратном пути) Гмелин и его спутники в мае 1736 г. совершили поездку к кудинским бурятам для того, чтобы посмотреть их праздник.

„Праздник начался вскоре после восхода солнца. Вдоль речки Куды..., был поставлен ряд берез, длиною каждая приблизительно в 2 сажени. Позади этих деревьев, на левой стороне, стояло еще два дерева, а за ними находились трое бурят, из которых один, несколько впереди двух других, стоял на коленях, держа в руке березовую ветку, которая была протянута горизонтально по направлению к восходящему солнцу, и довольно громким голосом что-то говорил. Его единоверцы пояснили мне, что он приглашает богов. Два другие бурята стояли на ногах, каждый из них держал деревянную чашку с жидкостью, представлявшей смесь кобыльего молока с молочной водкой. Вскоре, пройдя несколько вперед, они бросили в воздух чашки, которые держали в руках, и к возгласам стоявшего на коленях стали от себя прибавлять кое-какие слова. Это подбрасывание чашек высоко в воздух они проделали три раза, после чего наполнили чашки снова и бросили их вперед перед собой. По объяснениям бурят, эти действия обозначали следующее: главный бог, внявши горячему призыву стоявшего на коленях, перешел к ним через речку Куду; упомянутые два бурята пошли к нему навстречу и в виде жертвоприношения, в знак своего благоговения перед главным богом, они трижды бросали в воздух чашки. Бог остался этим доволен. Когда он отправился в обратный путь, они, в знак радости по поводу посещения им бурят, бросали ему вслед свои чашки.

Между тем на левой стороне ряда берез один бурят держал наготове овцу. После того, как вышеописанная церемония была закончена, на голову овцы—с целью освящения этого животного, предназначенного для жертвоприношения—полили вышеупомянутой жидкости (смесь кобыльего молока с молочной водкой); затем овца была немедленно заколота. Для этого ее свалили на землю, два человека держали животное, а третий сделал на правом боку овцы, ниже грудобрюшной преграды, разрез, через который он просунул руку внутрь овцы, прорвал грудобрюшную преграду и разорвал аорту, после чего животное моментально лишилось жизни.

Производивший колотье постарался затем вложить обратно в тело овцы кишки, которые выпали оттуда при колотье; кроме того он заткнул разрез, сделанный на теле овцы. Благодаря этому нисколько крови заколотого не было пролито на землю.

Когда мясо овцы остыло, все внутренности были вынуты, кровь была собрана на деревянное блюдо, потом была содрана шкура, передняя левая и задняя правая ноги были переломлены в суставах, а две другие ноги, также по суставам, были от-

резаны совсем. Производивший колотье отрезал кроме того повыше грудной кости треугольный кусок мяса со шкурой. Затем он срезал все мясо с костей, причем однако в некоторые куски мяса попали и кости. Все мясо было сложено в котел, туда же бросили и потроха, после чего все это было немного очищено, из желудка и кишок было выдавлено пальцами некоторое количество нечистот и кала. Кости и собранная кровь были брошены в яму. Затем мясо было сварено, а треугольный кусок был поджарен на углях. Когда он был готов, то его с жадностью съели призывавший богов, двое его помощников и двое из числа „почетных людей". Потом все принялись за мясо, потроха, желудок, кишки и прочую требуху. Трудно представить, с какой быстротой все это было съедено. Через несколько мгновений уже ничего не осталось, кроме двух—трех костей, случайно неотделенных от мяса. Эти кости также бросили в ту яму, куда были сложены прочие кости овцы. В яме развели костер и закрыли ее дровами,—чтобы сжечь кости. Шкура овцы была вывешена „на показ богам". Чтобы справить праздник как следует, было выпито много молочной водки и кумыса.

Но виденное нами не представляло ничего особенного; большого стечения народа при этом не было, и все происходило без особых церемоний. Женщины также получили некоторое количество водки и кумыса. Но я не заметил ни среди мужчин, ни среди женщин пьяных. Женщины плясали и пели. Мужчины попарно состязались в борьбе и в прыжках. Впрочем во всем этом не было ничего особенного.

В четыре часа пополудни празднество закончилось, и мы охотно уехали бы, если бы не обещали бурятам переночевать у них еще одну ночь. Они очень нас просили об этом и убедили согласиться на это лишь обещанием, что их шаман ночью будет совершать такое камлание, какого мы, вероятно, никогда не видели. Таким обещанием нас легко было заставить согласиться.

Когда наступила ночь, мы увидели в одной из юрт—у костра—шамана в обычном кожаном шаманском одеянии, обвешанном железными погремушками, и в шаманской шапке, украшенной когтями совы. У него, как и у многих других бурятских шаманов, не было бубна: ведь злые духи не очень охотно позволяют шаманам пользоваться таким прекрасным инструментом как бубен, особенно в начале их деятельности. Вместо бубна у шамана были две длинных палки, которые он беспрерывно колотил одна о другую, держа их крест-накрест. При этом он что-то бормотал и прыгал, как это обычно делают и те шаманы, которые совершают камлание с бубном.

Достаточно поколотивши палками и утомившись прыжками, шаман объявил, что злые духи собрались, и спросили нас, о чем мы желали бы узнать от них. Так как мы в достаточной мере убедились в неосведомленности шаманов, то не выразили желания узнать о чем-либо. Таким образом комедия закончилась быстро.

...Мы уехали от бурят с искренней благодарностью им за то, что они так простодушно раскрыли перед нами свои „тайны".

Приложение № 1

БУРЯТСКАЯ ПЕСНЯ, ЗАПИСАННАЯ ГМЕЛИНЫМ (1740 год)

(Gmelin Reise durch Sibirien, III, 370—371).

Текст песни записан Гмелиным латинской транскрипцией. Под каждым стихом песни Гмелин дал его немецкий перевод. Латинская транскрипция песни воспроизводится ниже из буквы в букву. Немецкий перевод песни заменен подстрочным русским переводом.

1. Kemniche borgossine nacholchadsi baineze.
   По реке ветки несутся в разные стороны.
2. Köblebachem beemmene arichin dogalsaba.
   Я, молодой человек, напился араки.
3. Dallanaien adon zara serdi belele.
   Среди 70—80 лошадей рыжий, как лисица, иноходец.

4. Abe töne baritsche Koögötschine mordonai.
   Отец его поймал—сын садится на лошадь.
5. Urtu Zachai termedene epzinulam kujagbe.
   В переднем углу за решеткой под платками есть красный передник.
6. Edsche töne baritsche Koögötschine mordonai.
   Мать вынимает его—сын садится на лошадь.
7. Barjon tala ollotone Zerensibe belele.
   У двери в ящике—60 боевых стрел.
8. Abe töne gargaidsche Koögötschine mordonai.
   Отец вынимает их—сын садится на лошадь.

Мелодия песни

Приложение № 5

ОБЛАВНАЯ ОХОТА БУРЯТ-МОНГОЛОВ ВБЛИЗИ АКШИНСКОЙ КРЕПОСТИ

(Pallas. Reise III, 204—205).

„Я остался в Акшинской крепости до 25 мая (1772 г.), чтобы получше познакомиться с районом (прилегающим к крепости) и дождаться облавной охоты на здешних степных коз или антилоп (дзерены). Такие охоты, которые монголы называют „аблаха", а русские, коверкая то же слово,—„облава", являются главным развлечением монголов и даурских степных тунгусов.

Такие охоты обычно устраиваются на открытой и ровной местности, прилегающей к горам, реке или лесу: дичь задерживается посредством этих преград. Преимущественно осенью, когда лошади отъелись, для такой охоты собираются группы человек в 50, 100, 200, верхом на хороших лошадях, причем каждый имеет, кроме того, запасную лошадь. Все охотники вооружены луками и стрелами, каждый берет с собой собаку, выдрессированную для охоты. Охотники выбирают себе предводителя, который организует охоту и руководит ею в течение всего времени, пока она продолжается.

На то место, где должна происходить охота, посылают рано утром трех или четырех человек, обладающих острым зрением. Они, поднимаясь на известные возвышенности или горы, высматривают, где находится дичь. Если эти дозорщики увидят стадо дичи, то остаются на горах до тех пор пока не подъедут остальные охотники. Дозорщики указывают им,—посредством поворачивания лошадей или при помощи других знаков—в какой стороне находится дичь и по каким направлениям охотники должны разъехаться. Согласно этим указаниям, все охотники разделяются на маленькие группы, а под конец и на одиночки, составляя все вместо большую дугу, причем один охотник находится от другого на расстоянии не более 60—70 сажен. Концы этой огромной дуги приближаются один к другому с обеих сторон, двигаясь по направлению к тому месту, где была указана дичь, причем охотники стараются скрываться за возвышенностями до тех пор, пока дичь не будет окружена, когда по ней можно будет стрелять. В то же время продвигается и вся окружность охотничьего круга. Как только дичь завидит охотников, она обращается в бегство. Охотники же отовсюду скачут во весь опор на зверей, гонят их от одного охотника к другому, криком и сви-

стящими стрелами [1] приводят дичь в ошеломление и, сколько возможно, убивают стрелами.

Даурским степным охотникам в этих случаях прекрасно помогает их практика стрельбы из лука с лошади во время больших охот.

Если вблизи места, где производится облавная охота, находится река или лесистые горы, в которые можно было бы загнать дичь, то охота дает еще большую добычу, так как здешние степные козы, которые обычно являются объектом таких охот, имеют ту странную особенность, что они никогда не лезут в воду,—даже в том случае, если охотники с собаками находятся очень близко: в этих условиях козы предпочитают пробиваться прыжками через охотничий круг... Даурские антилопы боятся также и леса, и если их загоняют в лес, то они приходят в такой испуг, что не могут пробежать по лесу даже сотни сажен, ударяются головами о деревья и падают замертво.

В том и другом случае обычно лишь незначительное количество дичи уходит от охотников. Иногда случается так, что в охотничий круг включаются волки и другие хищные звери и тем самым способствуют успешности охоты.

Если местность, где производится охота,—совершенно открытая, то охотничий круг должен скрываться до тех пор, пока оба его крыла не окружат дичь или, по крайней мере, не сгонят ее в кучу посредством свистящих стрел".

---

[1] Такие стрелы называются по-русски „свистунами", а по-монгольски—„дзы". Они по весу тяжелы и имеют на конце тонкий, шириной пальца в четыре железный наконечник в форме ромба, очень заостренный. Под наконечником прикреплен пустой костяной шарик с несколькими отверстиями, через которые прорывается воздух. Когда с лука пускают такую стрелу, то она производит в воздухе громкое жужжание, и если попадает в тело, то причиняет смертельную рану. (Примечание Палласа).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава I. Спафарий.—Избрант.—Ланге.—Гмелин.—Миллер 5

Глава II. Паллас.—Георги.—Сиверс.—Лаксман 27

Глава III. Геденштром.—Миллер И. Г.—Кохрэн.—Мартос.—Паршин.—Эрман.—Кастрен 53

Глава IV. Великодержавно-шовинистические тенденции в высказываниях и сообщениях путешественников 76

Приложения 86

Отв. редактор П. Буртонова. Техн. редактор М. Клинской.

Корректор Т. Расина.

Сдано в набор 1/XII-1938 г. Подписано к печати 29/III-1939 г. Бумага 60×92. Бум. листов $2^5/_8$. Печ. листов $5^3/_4$. Уполн. Бурглавлита № 97. Бургосиздат 20. Тираж 4000. Заказ 4022.

Отпечатано в Иркутской типо-литографии Огиза треста „Полиграфкнига".

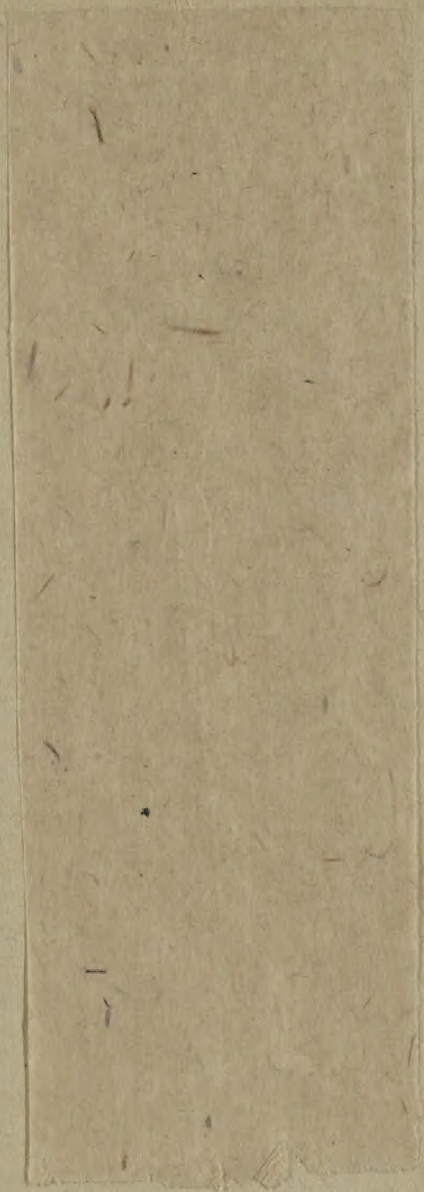
г. Иркутск, ул. К. Маркса, 19.

. 3
. 5
. 27
-Паршин.—Эр-
. 53
высказываниях
. 76
. 86

ктор М. Клинской.

9 г. Бумага 60×92.
7. Бургосиздат 20.

„Полиграфкнига".



3 р. 50 к. 0,35 км.